

MILHIST

INFO

История военного дела: исследования и источники
Специальный выпуск IX

Иноземцы на русской военной службе в XV–XIX вв.

ЧАСТЬ I

Санкт-Петербург
2018

Редакция журнала:

К.В. Нагорный

В.В. Пенской

А.Н. Лобин

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук О.В. Ковтунова

кандидат исторических наук А.Н. Лобин

кандидат исторических наук Д.Н. Меншиков

кандидат исторических наук Е.И. Юркевич

Ph.D. Eman M. Vovsi

История военного дела: исследования и источники. — 2018. — Специальный выпуск IX. Иноземцы на русской военной службе в XV-XIX вв. — Ч. I. [Электронный ресурс] <http://www.milhist.info/spec_9>

© www.milhist.info

© Несин М.А.

ББК 63.3(2)43
УДК 94(47).035-041

Несин М.А. Первая династия Чингисидов на русской службе: биографии служилых царевичей Касима и Данияра

Среди иноземцев, состоящих на московской военной службе в XV в., важное место занимали служилые касимовские татары. Сохранившиеся сведения о первых касимовских «царевичах», Касиме и Данияре, а также о «царевичевых» татарах содержат весьма интересную информацию об организации и значении касимовского войска в первые десятилетия его существования, о положении самих царевичей на великокняжеской службе и статусе г. Касимова в Московском княжестве.

Ключевые слова: касимовские татары, служилые татары, Касимов, Касим, Данияр, Чингисиды, Великое Московское княжество, Великий Новгород, сражение на Пахре.

Автор: Несин Михаил Александрович. В 2009 г. закончил исторический факультет Санкт-Петербургского государственного университета по специальности историк. В 2015 г. закончил аспирантуру Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. В 2018 г. в Воронежском государственном университете защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук «Институт Новгородских тысяцких в XII-XV вв.». Научные интересы: история средневековой России до Московского периода, тактика русских войск, социальная история, историческая география. petergof-history@yandex.ru

Литература, использованная в статье:

Беляков А.В. Чингисиды в России XV-XVII веков: Просопографическое исследование. — Рязань, 2011.

Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. — 2-е изд. — СПб., 1863. — Т. I.

Шишкин Н.И. История города Касимова с Древнейших времен. — Касимов, 1889.

Бахтин А.Г. Образование Касимовского и Казанского ханств. — Йошкар-Ола, 2008.

Рахимзянов Б. Р. Касимовское ханство (1445 – 1552 гг.). Очерки истории. – Казань, 2009.

Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle / Publiés par N. Jorga. — Paris, 1899. — Vol. I.

Аксанов А.В. Рецензия на книгу Б.Р. Рахимзянова: «Москва и татарский мир: сотрудничество и противостояние в эпоху перемен, XV–XVI вв.» // Средневековые Тюрко-Татарские государства. — 2017. — № 9.

Беспалов Р. А. Новосильско-Одоевское княжество и Орда в контексте международных отношений в Восточной Европе XIV – начала XVI веков // Средневековая Русь. — 2014. — Вып. № 11. Проблемы политической истории и источниковедения.

Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. — Саранск, 1960.

Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Zmodska i wszyskiej Rusi. — Warszawa, 1846. — Vol.2.

Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. — Казань, 1923.

Несин М.А. Борьба русских войск с татарами Улу-Мухаммеда в Нижегородском крае в 1444/1445 гг. // Материалы IV научной конференции «Нижегородский край в истории России памяти профессора Н. Ф. Филатова. — Н. Новгород, 2014.

Павлов Н.П. Татарские отряды на русской службе в период завершения объединения Руси // Учёные записки Красноярского государственного педагогического института. — 1957. — Т. IX. — Вып. 1.

Тихомиров. М.Н. «Список русских городов дальних и ближних» // Исторические записки. — М., 1952. — Т. 40.

Несин М.А. Воевода Федор Васильевич Басенок [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Т. VII. — С. 96-173. <http://www.milhist.info/2015/08/28/nesin_4> (28.08.2015).

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XV и XVI вв. — М., Л., 1950. — № 46.

Янин В.Л. «Черный бор» в Новгороде XIV-XV вв. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. — М., 1983.

Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. — СПб., 2009.

Аксанов А.В.; Пашин С.С. Рахимзянов Б.Р. Касимовское ханство (1445-1552 гг.). Очерки истории // Rossica Antiqua. — 2011. — № 1.

Несин М.А. Из истории логистики русских войск в XV — начале XVI в. (Отзыв на работу В.В. Пенского «...И запас пасли на всю зиму до весны»: логистика в войнах Русского государства эпохи позднего Средневековья — раннего Нового времени») [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2016. — Т. VIII. — С. 134-166. <http://www.milhist.info/2016/04/27/nesin_7> (27.04.2016).

Кривошеев Ю. В. Татары и Шелонская битва 1471 года // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. — СПб., 2006. — Т. 2.

Несин М.А. К вопросу о причине отступления татарского войска после стояния на Угре [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480. — 2015. — Ч. I. — С. 110-132. <http://www.milhist.info/2015/10/23/nesin_5> (23.10.2015).

Беляков А.В. Организационная структура служилых татар в Русском государстве конца XV — первой половины XVII в. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480. — 2015. — Ч. I. — С. 134-149. <http://www.milhist.info/2015/11/17/belyakov_1> (17.11.2015).

Несин М.А. Статус Касимовских Чингисидов при Иване III и Василии III по данным письменных источников // Золотоордынское обозрение. — 2017. — № 5.

Ссылка для размещения в Интернете:

http://www.milhist.info/2018/12/31/nesin_12

Ссылка для печатных изданий:

Несин М.А. Первая династия Чингисидов на русской службе: биографии служилых царевичей Касима и Данияра [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2018. — Специальный выпуск IX. Иноземцы на русской военной службе в XV-XIX вв. — Ч. I. — С. 76-154 <http://www.milhist.info/2018/12/31/nesin_12> (31.12.2018).

Nesin M. First generation of the Chingissid on the service to the Russian tsars as appears in biographies of the princely houses of the Kassim and Daniyar

Amongst many foreigners that performed military service for the Russian tsars in the fifteenth century, the Ar begs Tartars of the Kasimov descent are quite important. The newly discovered sources shed a light on the status of these first service people, such as “princes” Kassim and Daniyar, including their military organization, first military campaigns and the charter of the City of Kasimov in the Moscow Tsardom

Key words: Chingissid; Kassim; The Grand Duchy of Muscovy; Novgorod; the Pakhra battle.

About the author: Mikhail A. Nesin holds Ph.D. in history from the Novgorod State University, Russia; his major interest is in the early medieval Russian history, military history, social history and historical geography. petergof-history@yandex.ru

References:

Beljakov A.V. Chingisidy v Rossii XV-XVII vekov: Prosopograficheskoe issledovanie [Genghis Khan in Russia XV-XVII centuries: a Prosopographic study]. — Rjazan', 2011.

Vel'jaminov-Zernov V.V. Issledovanie o kasimovskih carjah i carevichah [Research about Kasimov tsars and princes]. — 2-e izd. — SPb., 1863. — T. I.

Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle / Publiés par N. Jorga. — Paris, 1899. — T. I.

Nesin M.A. Bor'ba russkikh vojsk s tatarami Ulu-Muhammeda v Nizhegorodskom krae v 1444/1445 gg. [Fighting Russian troops Tatar Ulu-Muhammed in the Nizhny Novgorod region in 1444/1445.] // Materialy IV nauchnoj konferencii «Nizhegorodskij kraj v istorii Rossii pamjati professora N. F. Filatova. — N. Novgorod, 2014.

Nesin M.A. The Governor Fyodor Vasilievich Besenok [Electronic issue] // History of military arts: researches and sources. — 2015. — Vol. VII. — P. 96-173. <http://www.milhist.info/2015/08/28/nesin_4> (28.08.2015).

Nesin M.A. From the history of logistics of the Russian army in the XV — early XVI century. [Electronic issue] // History of military arts: researches and sources. — 2016. — Vol. VIII. — P. 134-166. <http://www.milhist.info/2016/04/27/nesin_7> (27.04.2016).

Nesin M.A. On question of the Tartar army's retreat after The Great Standoff on the Ugra River [Electronic issue] // History of military arts: researches and sources. — 2015. — Special edition V. Great stand on the Ugra river — Vol.I. — P. 110-132 <http://www.milhist.info/2015/10/23/nesin_5> (23.10.2015).

Belyakov A. The Tartars on the service to the Russian tsars, from the fifteenth to the first half of the seventeenth centuries [Electronic issue] // History of military arts: researches and sources. — 2015. — Special edition V. Great stand on the Ugra river — Vol.I. — P. 134-149 <http://www.milhist.info/2015/11/17/belyakov_1> (17.11.2015).

Nesin M.A. Status Kasimovskih Chingisidov pri Ivane III i Vasilii III po dannym pis'mennyh istochnikov [Status Of Kasimov chingisids under Ivan III and Vasily III according to written sources] // Zolotoordynskoe obozrenie. — 2017. — № 5.

Internet link:

http://www.milhist.info/2018/12/31/nesin_12

Reference:

Nesin M. First generation of the Chingissid on the service to the Russian tsars as appears in biographies of the princely houses of the Kassim and Daniyar [Electronic issue] // History of military arts: researches and sources. — 2018. — Special edition IX. Foreigners in the Russian military service in the XV-XIX centuries. — Vol. I. — P. 76-154 <http://www.milhist.info/2018/12/31/nesin_12> (31.12.2018).

М.А. Несин

ПЕРВАЯ ДИНАСТИЯ ЧИНГИСИДОВ
НА РУССКОЙ СЛУЖБЕ:
БИОГРАФИИ
СЛУЖИЛЫХ ЦАРЕВИЧЕЙ
КАСИМА И ДАНИЯРА

Касим

Сын Улу-Мухаммеда, Касим, стал не только первым правителем т.н. «Касимовского ханства». Как справедливо отметил А. В. Беляков, ему выпала честь быть основателем первой (хотя и непродолжительной) династии Чингисидов на русской службе¹. Эта династия пресеклась со смертью его сына Данияра, последовавшей, вероятно, около 1486 г.

Фигура Касима и его служба московским князьям давно обращали на себя внимание ученых. В книге В. В. Вельяминова-Зернова о касимовских царях и царевичах Касиму посвящен отдельный раздел и приведены письменные свидетельства о нем (хотя, к сожалению, некоторые из них, касающиеся одного и того же события, просто перечислены в сносках и не проанализированы)². В монографии Н. И. Шишкина, посвященной истории города Касимова, перечислены основные события, в которых Касим принимал участие на московской службе³. В книгах историков, занимавшихся изучением Московского княжества, Крымского и Каханского ханств XV ст. (например, М. Г. Худякова, М. Г. Сафаргалиева, А. А. Зимина и А. Л. Хорошкевич), упоминается Касим и Касимовское «царство». В настоящее время его служба московскому князю достаточно подробно описана в монографиях А. Г. Бахтина и Б. Р. Рахимзянова⁴. В монографии А. В. Белякова затронут вопрос о времени прибытия Касима на службу Василия II, а также упоминается его участие в военных действиях в период пребывания на Московской службе⁵.

Вместе с тем до сих пор многие дискуссионные вопросы остаются нерешенными: прежде всего, связанные со временем основания и статусом т.н. Касимовского ханства, а также переходом на русскую службу Касима и характером его взаимоотношений с московскими князьями. Некоторые моменты из биографии Касима освещены недостаточно подробно. В данном биографическом очерке на основе комплексного анализа источников я постараюсь подробнее рассмотреть историю его жизни и службы московским князьям, а также предложу новые трактовки некоторых событий и развернутые ответы на некоторые спорные вопросы.

Когда Касим пришел на московскую службу?

Дата рождения Касима неизвестна, его имя до 1442 г. в источниках не упоминается. Впервые имя Касима появляется в счетной книге казначейства Каффы под датами 9 мая, 6 июня и 30 июля; в ней упоминается находившийся в это время в Крыму проездом «*Cassu*», «*filio OloMahmet, imperatoris Terterorum*» — Касим, сын Улу-Мухаммеда, императора татар, прибывший в Кафу с 500 сарацинами «*sarracenorum qingetorum*»⁶. Иногда в этой связи в историографии возникали гипотезы о его правлении в Крыму в тот период⁷. Но эти предположения не подтверждаются источниками; к тому же в кафском источнике Касим не имеет правительственного титула, а назван всего лишь сыном «*императора*» татар. Ко всему прочему в это время в Крыму правил Хаджи-Гирей — «в 845 г.х. (май 1441 г.— май 1442 г.) Хаджи-Гирей уже чеканил в Кырк-Эре свою монету... 30 июля 1442 г. в масса-риях Каффы упомянут вестник хана Хаджи-Гирея»⁸. Вероятнее всего, Касим прибыл в Крым с отрядом в 500 человек по поручению своего отца для оказания военной помощи крымскому хану Хаджи-Гирею, который аккурат около 30 июля того года одолел своего противника Сеид-Ахмета в борьбе за власть над Крымом.

Тем не менее можно утверждать, что когда в 1436 г. отец Касима, Улу-Мухаммед, лишился большеордынского стола, Касим уже появился на свет, поскольку в 1442 г. он едет в Крым с войском в 500 человек, а со второй половине 1440-х гг. предстает в источниках вполне полноправным предводителем военного отряда служилых татар, принятым на московскую службу. Следовательно, родился он не позднее

начала 1430-х гг. Соответственно, когда около 1437 г. Улу-Мухаммед был вытеснен на север, Касим определенно последовал за своим отцом и братьями и, надо думать, был зимой вместе с ними в русском городе Белеве, где татары стали на зимовку и 5 декабря одержали в *«Белевицкне»* победу над московским войском. Однако, что делал Касим в течение последующих более чем 8 лет, не совсем ясно.

Пожалуй, Касим является одним из самых загадочных касимовских царевичей. Неизвестно, когда и при каких обстоятельствах он поступил на русскую службу. Согласно Н. И. Шишкину, Касим с Ягупом впервые приехали на Русь уже в конце 1446 г., спасаясь от своего брата Мамутяка, который, заняв Казанский престол, хотел их умертвить (здесь историк, очевидно, опирается на сведения позднего Казанского летописца, в котором, впрочем, на самом деле сообщаются совершенно недостоверные сведения о будто бы состоявшемся убийстве Ягупа)⁹. Однако при этом, по словам ученого, Касим и Ягуп каким-то образом и прежде имели какие-то сношения с Василием, получая от него милости¹⁰. Вместе с тем, как будет видно ниже, это противоречит свидетельствам источников о более раннем периоде службы царевичей и их татар Василию II до его свержения с московского стола в феврале того же 1446 г.

По утверждению М. Г. Сафаргалиева, Касим прибыл в Московское княжество в 1445 г., после того как Василий II был отпущен из татарского плена¹¹. Но это мнение не находит подтверждения в источниках. В то же время Касима иногда считают одним из двух неких татарских *«царевичей»*, которые, согласно новгородскому летописанию, по приказу Василия II в конце 1444 г. вторглись в литовские приделы, пришли к Брянску, Вязьме и почти под самый Смоленск¹². Источник не приводит имен этих царевичей. В польской хронике М. Стрыйковского сообщается о вторжении татар под Вязьму. Но оно приписывается самому казанскому царю, которого якобы привел Василий II. Впоследствии этот же рассказ был повторен в Хронике Литовской и Жмоитской¹³. По резонному замечанию А. Г. Бахтина, упоминание казанского хана в данном контексте не стоит считать случайным¹⁴. Правда, с самим ханом Улу-Мухаммедом (который, вероятно, не стал первым казанским ханом¹⁵, но был родоначальником казанской династии) Василий II в то время воевал на востоке своего княжества, о чем литовцам было, по-видимому, хорошо известно. Как предположил А. А. Зимин¹⁶,

Казимир Ягеллончик, пославший в начале 1445 г. войска на русские земли, удачно воспользовался тем, что князья Василий Ярославич Серпуховский и Боровский, Михаил Верецкий и Иван Можайский отправились на восток воевать с Улу-Мухаммедом. Когда литовцы вошли в русские пределы, их смогли встретить только оставшиеся дома считанные десятки серпуховцев, боровчан, можайцев и вереиц.

Впрочем, если не отрицать вероятность того, что одним из двух вторгшихся в Литву татарских царевичей был близкий родственник Улу-Мухаммеда, то ошибка польского хрониста станет понятной. Стрыйковский сообщает весьма правдоподобные сведения: когда литовцы с польскими наемниками выехали с этими татарами воевать, те быстро исчезли. Это косвенно подтверждается контекстом русских источников, из которых можно заключить, что в ту же зиму быстро последовало ответное вторжение литовцев на порубежные русские земли (по словам Ермолинской летописи, оно произошло, когда Василий II был в г. Владимире¹⁷, т.е. в начале января, около Крещения)¹⁸. Однако, о каких-либо значительных жертвах среди тех татар не сообщается, они, как видно, благополучно ретировались. Этому способствовала немногочисленность отрядов служилых татарских царевичей, которая, как будет сказано ниже, весьма хорошо прослеживается по данным о касимовском войске в 1470-х гг., не превышавшем нескольких сотен бойцов. Благодаря этому обстоятельству, царевичам было относительно легко незаметно появляться под стенами неприятельского города и бесследно исчезать в случае опасности.

Если первым из этих двух царевичей был, по всей видимости, Бердедат Худайдатович, сын золотоордынского хана Худайдата, действительно служивший в 1445–1446 гг. московскому князю, то имя второго определить сложнее. Хотя следует иметь в виду, что мнение некоторых ученых о тождестве этого лица с Касимом не вступает в прямое противоречие с данными источников. Ведь Касим вместе со своим братом Ягупом служил московскому князю по крайней мере с 1446 г. Но, в отличие от Ягупа, Касим в самом деле мог перейти на московскую службу до второй половины 1445 г., так как он не упомянут в числе своих братьев, воевавших с московским войском в июльской битве под Суздалем. Соответственно, он мог быть одним из двух царевичей, посланных в 1444 г. Василием II воевать порубежные литовские земли.

Вместе с тем, по мнению А.В. Белякова, отождествление Касима с одним из этих царевичей может быть «ошибочным». По словам исследователя, традиция принимать нескольких царевичей из Чингисидов на московскую службу к великому князю сложилась не к 1444 г., а несколько позднее. Ученый приводит список служилых татар первой половины XV в., перешедших на московскую службу раньше Касима и Ягупа¹⁹. Однако никто из них, кроме Бердедата, не упоминается в событиях 1440-х гг. Поэтому не исключено, что вторым царевичем все же был Касим, который стал служить Василию II до того, как тот временно лишился московского княжения в феврале 1446 г.

Отметим, что самое раннее упоминания имени Касима в русских источниках встречается в Ермолинской летописи. Согласно ее известию, в 1446 г., после того как московский князь Василий II был свергнут с великокняжеского стола, «...царевичи три, Касымъ да Ягупъ Махметовичи, да Бердодатъ Кудулатовичъ служили великому князю, а те ступили на Литовские же порубежьи»²⁰.

Из этого следует, что Касим, как и его брат Ягуп, успел перейти к нему на службу до его свержения. Подтверждение тому можно найти и в рассказе великокняжеского летописания о том, что осенью 1446 г. под Ельней при встрече с русскими приверженцами Василия II татары этих царевичей говорили, что те благодарны свергнутому князю за «добро» и «хлеб», поэтому идут к нему на помощь возвращать московское княжение²¹.

Если Касим мог перейти на русскую службу еще в 1444 г., то Ягуп это сделал определенно не раньше осени 1445 г., так как летом еще воевал против Василия в битве под Суздалем и вместе со своим братом Махмудом привез его пленного в Курмыш. Оттуда Василия II в октябре по приказу хана Улу-Мухаммеда отпустили, потребовав выплатить выкуп, и отправили с ним на Русь татар, которые, согласно тверскому источнику, собирали деньги с русских земель²². Однако царевичей среди них не было — великокняжеский хронист перечисляет имена мурз, но не упоминает о наличии в их числе детей хана²³. К тому же, согласно псковскому летописанию, Иван III их всех отпустил назад еще до того, как в феврале потерял на год княжение²⁴. Это разрушает распространенные представления о том, что эти татары были взяты на службу Василием II, а тем более опровергает гипотезы об их переходе

на службу к Василию II по уговору с Улу-Мухаммедом после битвы под Суздалем и получении ими в соответствии с этим гипотетическим договором фактически независимого от Москвы удела в Касимове²⁵.

С тех пор ни сам Василий, ни захвативший временно власть в Москве его соперник Дмитрий Шемяка не платили в Казань никаких денег (хотя современники все равно не были уверены, что татары больше не нападут, поэтому Дмитрий Шемяка смог уверить своих союзников что Василий II якобы готов отдать казанскому «царю» Москву, а сам сесть в Твери вместо тверского князя).

Что касается Ягупа, то он, вероятно, прибыл на русскую службу позднее возвращения Василия II в Москву, примерно на рубеже 1445/1446 гг. В это время в Среднем Поволжье умер (или сошел с политической сцены) Улу-Мухаммед. С конца 1445 г. о нем нет никаких упоминаний, но с 1446 г.²⁶ в качестве нового хана в источниках фигурирует его старший сын Махмуд, занявший казанский престол.

Осенью 1445 г. Махмуд еще при жизни Улу-Мухаммеда стал его соправителем, а возможно, и фактически взял власть свои руки (как мы отмечали, по словам летописцев либо именно он принял решение отпустить из плена Василия II, либо сделал это вместе с отцом, при этом московский князь целовал крест им обоим)²⁷.

Не исключено, что ближе к концу года новым ханом уже стал Махмуд, а Ягуп либо сам, либо вместе с Касимом, не видя для себя в Среднем Поволжье никаких перспектив, решил устроиться на службу к московскому князю, где ему гарантировалось, по крайней мере, какое-то стабильное существование, а возможно, и вполне приемлемые условия для жизни. Однако вокняжившийся в Москве в феврале 1446 г. Дмитрий Шемяка, по-видимому, изначально плохо отнесся к этим татарам. Как верно отметил Н.П. Павлов, противники Василия II ставили ему в вину то, что он привел служилых татар на Русь²⁸. Согласно новгородскому летописанию, свергнувшие Василия II с московского княжения Дмитрий Шемяка и его союзники обвиняли того, что он любит татар сверх меры и раздает им в кормление города: *«Чему еси татар привел на Рускую землю, и города дал еси им, и волости подавал еси в кормление? А татар любишь и речь их паче меры, а крестьян томишь паче меры без милости, а злато и серебро и имение даешь татаром»*²⁹. Речь идет о служилых татарах, правда, новгородский хронист, вероятно,

по незнанию, смешал их с теми татарами Улу-Мухаммеда, что собирали на Руси контрибуцию — ведь в основном Василий II был обвинен в том, что он хотел передать Москву казанскому хану. Новгород не знал служилых татар и их появление в Москве мог толковать как уступку хану. Но при этом новгородский хронист дает вполне верную и емкую характеристику службы татар, которым, как это хорошо видно на примере Касимова, действительно выделялся город для проживания и средства на содержание.

Впрочем, к этим служилым татарам Шемяка в самом деле относился с предубеждением. Согласно посланию церковных иерархов Шемяке от 29 декабря 1447 г., он утверждал, что те *«изневолили»* Москву. В ответ иерархи обещали, что Василий *«татаръ изъ земли вонъ отошлетъ»*, как только Шемяка выполнит все условия мирного договора³⁰. Вероятно, они понимали, что Василий II этого делать не собирался (как потом и его преемники). Но поскольку галицкие князья служилых татар знали не намного больше, чем новгородцы, иерархи, возможно, решили не вдаваться в излишние разъяснения, а дали такое обещание, чтобы как-то урезонить Шемяку подчиняться великокняжеской власти.

Поэтому совершенно неудивительно, что когда Шемяка занял власть в Москве в феврале 1446 г., татарские царевичи Касим и Ягуп предпочли отъехать из Московского княжества. Отбыли они, согласно вышеприведенному сообщению Ермолинской летописи, к литовским рубежам и там отличались, по-видимому, такой же ловкостью, как те царевичи, что в 1444 г. вторгались в Литву. Ведь они тоже ездили по Литовской земле (где, надо полагать, питались не святым духом, а промышляли грабежами), но в то же время успешно избегали сражений с литовским войском. Более того, на этот раз они смогли так благополучно продержаться в течение длительного времени — с зимы до осени 1446 г.

До осени, по словам их татар, приведенным в великокняжеском летописании, они успели побывать под г. Черкассами³¹ (сейчас центр одноименной области в Украине. Как справедливо указал А. Г. Бахтин, речь идет именно о днепровских Черкассах. В XV в. этот город был известен в разных областях Руси. К примеру, он упомянут в новгородском списке городов дальних и ближних рубежа XIV — XV вв., в числе Литовских городов³²). А осенью 1446 г. их войска, согласно

тому же источнику, встретили под Ельней воинство русских сторонников Василия II (г. Ельня — центр одноименного района Смоленской области — в то время относилась к Литве и лежала на севере от расположенной в Брянской области Пацыни, со стороны которой пришли русские войска). Поначалу встреча началась с перестрелки из луков, но потом выяснилось, что и русские, и царевицы с их татарами преследуют общую цель — оказание *«помощи»* Василию II. Так что они решили дальше действовать заодно. По словам татар, как было сказано выше, царевицы ехали выручать Василия в благодарность за *«добро»* и *«хлеб»*. Но при этом, как отметил Н. П. Павлов, татары прибавили, что *«много его добра до нас было»*³⁴. Очевидно, эти татары вместе со своими царевицами также успели какое-то время послужить Василию II до свержения и оценить его милости.

От Ельни татарские царевицы со своими отрядами, а также русские приверженцы Василия II двинулись на Русь вместе. В конце 1446 г. Касим наряду с другими возвращавшимися из Литвы сторонниками Василия Темного, уже был на территории Руси. Дмитрий Шемяка в то время находился в г. Волоколамске. По мнению А. А. Зимина, он пытался воспрепятствовать продвижению из Литвы сторонников Василия Темного³⁵, но, на мой взгляд, он не мог знать, каким маршрутом те проследуют. Существовал окольный путь через новгородско-тверские рубежи, по которому летом ехали в Литву Ряполовские. Зато из Волоколамска было можно быстро нанести удар по войску Василия Темного, если тот из Твери двинется штурмовать Москву. За неимением по дороге от Твери до Москвы надежных крепостей Шемяка засел именно в Волоколамске, расположенном в 100 км к северо-западу от Москвы³⁶.

Однако в рождественскую ночь на 25 декабря воевода Василия II Плещеев тайно подошел к Москве с *«зело малыми людьми»*, чтобы *«пройти мимо рать княж Дмитреевой»* и вскоре занял столицу. Некоторое время спустя Дмитрий Шемяка услышал, что Василий идет из Твери против него войной, и что с другой стороны к Волоколамску из Литвы движутся союзники Василия, включая татарских царевиц. После этого Шемяка поспешил на восток, в волжский г. Углич, входивший в состав его удела. Василий II направился вслед за ним и осадил город.

Туда же в начале 1447 г. под стены пришли и его союзники из Литвы. По словам Софийской I летописи по списку Царского, а также Устюжского свода, в их числе были царевици Касим и Ягуп³⁷. Согласно новгородскому летописанию, «*татары*» прибыли к Василию II до того, как Шемяка побегал в Галич³⁸, т.е. не позднее, чем Василий снял осаду Углича. Но при этом летописцы не отмечают их непосредственного участия в осаде Углича. Впрочем, вероятно, в ней они фактически не участвовали, учитывая тот факт, что когда Дмитрий Шемяка бежал в сторону Углича, они были относительно далеко от него, западнее Волоколамска. Согласно рассказу Устюжского свода XVI в., после взятия Углича царевици двинулись с Василием Темным в Тверь (при этом в источнике обоих братьев — Трегуба (Касима) и Ягупа по ошибке называют детьми Касима)³⁹. Но это сообщение не подтверждается показаниями современных источников. Более того, согласно свидетельству великокняжеского летописания, Василий II направился от Углича в противоположную сторону, к Ярославлю. А Касим и Ягуп, по словам великокняжеского хрониста, прибыли к Василию позднее своих русских спутников, когда тот уже прибыл в Ярославль: «*И оттоле поиде великий князь къ Ярославлю, и ту приидоша к нему царевици Касымъ да Ягупъ*»⁴⁰. А. А. Зимин безоговорочно принял эту версию⁴¹, В. В. Вельяминов-Зернов допустил правоту обеих — как об их встрече с князем в Угличе, так и в Ярославле⁴².

Но не исключено, что в обеих версиях на самом деле нет противоречия: мобильные малочисленные татарские отряды, умевшие неожиданно появляться, быстро и бесследно исчезать, вероятно, были посланы на разведку к Галичу, куда из Углича побегал Шемяка, и потом вернулись с вестями к великому князю в Ярославль. Сразу после известия о прибытии царевицей в Ярославль великокняжеский хронист сообщает, что Василий II отправил своего посла в Галич на переговоры с Шемякой⁴³.

Касим на службе у Василия II

В следующий раз Касим косвенно упоминается в мирном договоре Василия II с Иваном Можайским и Михаилом Верейским около 6 июля 1447 г. (составлен неделю спустя после Петрова дня, 29 июня). В ней удельным князьям запрещено покушаться на Московские земли,

в частности, на служилых царевичей, их князей и татар: «А в сеж намъ перемирие на кн(а)зя великог(о) Васил(ъ)а Васильевич(а), и на кн(а)за Михаила Андреевич(а), и на кн(а)за Васил(ъ)а Ирославич(а), и на ц(а)ревичев и на кн(я)зеи на ордынских, и на их татаръ не ити, и не изгонити их, не пасти от нас никоторог(о) лиха. А вотчине намъ кн(а)за великог(о) и ег(о) братиш не чинити некоторые пакости»⁴⁴. Несомненно, Касим входил в число оных царевичей. Кстати, здесь впервые представлено деление отрядов служилых царевичей по социальному принципу — на князей и татар, которое мы будем в дальнейшем наблюдать непосредственно применительно к касимовским татарам.

В следующий раз эти служилые царевичи упоминаются в послании церковных иерархов к Дмитрию Шемяке от 29 декабря 1447 г. Как уже отмечалось выше, согласно ему, Дмитрий Шемяка полагал, что татары «изневолили» Москву. На это иерархи возражали, что те напрасного вреда никому не причиняют, но когда Шемяка соблюдет все условия их договора, он вышлет татар из Московского княжества.

Прочем, как отметил В. В. Вельяминов-Зернов, в договоре Шемяки и Ивана Можайского с Михаилом Верейским и Василием Серпуховским, заключенном в следующем 1448 г., значится условие не покушаться на Московское княжение и не причинять зла татарским «царевичам», их «князьям» и «татарам».

По справедливому заключению ученого, здесь определенно подразумевается и Касим с его отрядом⁴⁵. Ведь речь идет обо всех служилых татарах, соответственно и Касиме.

Правда, не известно, где Касим в то время жил. Ведь исследователи не пришли к однозначному выводу о том, когда Касим получил Мещерский городок на р. Оке, названный в последствие его именем — Касимовым. По-видимому, следует согласиться с А. Г. Бахтиным, что это произошло после 20 июля 1447 г.: в заключенном в тот день в договоре между московским князем Василием Темным и Иваном Федоровичем Рязанским (с княжеством которого Мещерский городок граничил с востока) ни слова не говорится об обязательствах рязанского князя частично оплачивать содержание царевича. Между тем, как отметил исследователь, впоследствии это условие занимало значимое место во взаимоотношениях между великими князьями Москвы и Рязани⁴⁶. Во всяком случае, современные исследователи солидарны в том,

что Касим получил Мещерский городок не позднее 1456 г.⁴⁷, когда умер Иван Рязанский, на которого были возложены обязательство частично оплачивать содержание касимовского царевича.

Вместе с тем, следует иметь ввиду, что летописи несколько расходятся в числе татарских царевичей, вернувшихся в Московское княжество в 1447 г. В поздней Львовской летописи, кроме Касима и Ягупа заведомо ошибочно указан третий, Трегуб⁴⁸. Однако в историографии неоднократно отмечалось, что в действительности этого царевича не существовало⁴⁹, ибо Трегуб — прозвище самого Касима. В Ермолинской летописи вместе с двумя братьями Мухаммедовичами значится третий царевич, Бердедат Куйдадатович, который будто бы отъехал с ними в Литву, а затем вернулся к Василию II под Углич⁵⁰. Другие источники его не упоминают в связи с этими событиями. Впрочем, это не говорит о том, что он не вернулся. Вероятно, он вскоре умер (даже в Ермолинской летописи о нем нет больше упоминаний), поэтому иные хронисты не сочли важным упоминать о его прибытии.

С другой стороны, Бердедат мог еще прожить несколько лет и прослужить московскому князю. Поэтому у нас, вопреки расхожему мнению, нет данных о том, участвовал ли Касим весной 1449 г. в походе Василия II к Волге под Ярославль против Дмитрия Шемяки и Ивана Можайского, а также в январе 1450 г. в битве под Галичем, а летом 1450 г. — в сражении на р. Битюге. Ведь в этих кампаниях, по данным современного летописания, участвовали просто некие «царевичи» и «царевич»⁵¹ (правда, в поздней Никоновской летописи, в сообщении о бою на р. Битюге, практически дословно воспроизводящем рассказ великокняжеского летописания XV в., этот царевич назван Касимом⁵², но этот источник был составлен примерно сто лет спустя после указанного сражения, поэтому в нем могла быть поздняя вставка). А если в то время был еще жив Бердедат, то под Ярославль и под Галич он мог пойти с Ягупом, но без Касима, а на Битюг — либо он, либо Ягуп (который был жив и состоял на службе у московского князя еще в 1452 г.). Несмотря на то, что при упоминании Касима и Ягупа имя Касима в источниках указано первым (вероятно, по старшинству), Касим до начала 1450-х гг. не пользовался большим, чем его брат, доверием московского князя в качестве полководца. К примеру, в московский поход на север 1452 г. против Шемяки был отправлен не Касим, а Ягуп.

Так что тем единственным царевичем, который был послан на р. Битюг, вполне мог быть он, а не Касим.

Однако летом 1449 г. Касим прямо под своим именем упоминается в связи с победами над ордынцами на р. Пахре. Сражение на р. Пахре, на мой взгляд, следует отнести к концу июля — августу 1449 г. Так, рассказ о приходе большеордынских татар в Московское княжество в Ермолинской летописи и великокняжеском летописании помещен ниже сообщения о рождении у Василия II сына Бориса. Известие великокняжеского летописания об одержанной Касимом победе над ордынцами также стоит после упоминания о рождении Бориса, однако в пределах той же погодной записи. Борис Васильевич появился на свет 20 июля. С другой стороны, поскольку год на Руси в то время начинался 1 сентября, бой на Пахре произошел не позднее 31 августа 6957 (1449 от Р. Х.) г.

Летом 1449 г. *«скорые татары»* большеордынского хана Сеид-Ахмета беспрепятственно вторглись за р. Оку вглубь московского княжества до р. Пахры и захватили полон, в котором оказалась жена князя В. И. Оболенского со снохой Степанидой (последняя, возможно, приходилась супругой полководцу И. В. Стриге-Оболенскому), а также жена Г. И. Козла-Морозова. Этот рассказ почти дословно передан в разных памятниках современного летописания — московском великокняжеском своде, Софийской I и Ермолинской летописях (в последних двух уточняется, что жену В. И. Оболенского звали Мария)⁵³. Справиться с таким войском, согласно великокняжескому летописанию, предстояло служилому царевичу Касиму. Выступив из г. Звенигорода вместе со своими татарами, он разбил ордынцев и отбил у них полон⁵⁴ (правда, вероятно, не весь — перед приходом Касима они рассеялись и тот бился лишь с теми, кого нагнал)⁵⁵.

В связи с тем, что Касим выехал из Звенигорода, некоторые исследователи полагают, что первоначально он владел не Городком Мещерским (Касимовым), а был посажен в этом городе⁵⁶. Наиболее обстоятельно об этом пишет А. В. Бахтин. Он отмечает, что Касим поехал биться с татарами по своей инициативе, без участия русских великокняжеских воевод и без великокняжеского распоряжения⁵⁷. Однако эта гипотеза покоится на шатких основаниях. Ведь в источниках есть примеры, когда в одном из летописных рассказов сообщается лишь

о победе воеводы, но не о том, что тот был послан в бой великим князем, хотя в других летописных известиях о том же походе или сражении, наоборот, данное обстоятельство указано, прямо или косвенно. К примеру, в рассмотренной нами ниже кампании 1472 г. в великокняжеском летописании фигурирует воевода Петр Федорович, появившийся невесть откуда, а в других источниках он оказывается Петром Федоровичем Челядниным, великокняжеским воеводой, стоящим во главе великокняжеского двора. В рассказе Софийской I летописи сражении на Битюге 1450 г. просто указывается имя русского воеводы Беззубцева, однако нет упоминания, что его послал в бой Василий II⁵⁸, в то время как великокняжеское летописание прямо сообщает об этом⁵⁹. То же можно сказать о московских великокняжеских воеводах, участвовавших в сражении под Русой 1456 г. и Шелонской битве 1471 г. В Ермолинской летописи, в отличие от великокняжеского летописания, не сказано, по чьей воле они в тех краях очутились, тогда как из известий последнего ясно следует, что Ф.В. Басенок взял Русу по распоряжению Василия II, а Д.Д. Холмский по приказу Ивана III ехал на соединение с псковичами⁶⁰. А упоминание участия Касима в сражении с ордынцами на р. Пахре сохранилось лишь в одном современном источнике. Кроме того, немногочисленный, маневренный татарский отряд Касима был для боя с ордынцами наиболее подходящим, так как мог, как в Литве, появляться неожиданно для врага. Ведь как видно, ордынская «*скорая*» рать была немногочисленной. Она беспрепятственно проехала за приграничную р. Оку до р. Пахры и занялась грабежом сел и загородных феодальных дворов (в плен на Пахре попали жена и сноха В.И. Оболенского, в то время как сам князь и его сын И.В. Стрига — видные московские полководцы того времени — как видно, были в другом месте по службе). Но к открытому сражению ордынские татары не были готовы и при приближении служилых татар Касима рассеялись.

Если бы Касим пошел с многочисленным отрядом, неприятели, по видимому, узнали бы о его приближении еще раньше и успели в большем количестве уйти от погони. Именно потому, возможно, с Касимом не пошли другие воеводы, хотя после возвращения Василия II в Москву в 1447 г. это был уникальный случай — обычно касимовского царевича всегда сопровождали в походах русские великокняжеские полководцы со своими отрядами.

В то же время, согласно другой точке зрения, из летописного описания сражения на р. Пахре отнюдь не следует, что Касим был посажен в Звенигороде, а не выступил из него по другим причинам⁶¹.

Во всяком случае, следует заметить, что Звенигород не лежит на пути к Пахре ни от Москвы, ни от Касимова. Так что если считать, что он тогда не был отдан Касиму в кормление, то царевич в нем мог разве что наблюдать за обстановкой в соседнем Можайском княжестве. Ведь на прочный союз с Иваном Можайским Василию Темному не приходилось надеяться, так как этот мелкий удельный князь примыкал к разным претендентам на великое московское княжение, меняя союзников в зависимости от своей личной выгоды.

Согласно уникальному рассказу В. Н. Татищева, Касим принимал участие в сражении под Галичем 1450 г. и под стенами крепости вместе со своими татарами первым атаковал галицкое воинство, после чего в бой с ним вступили другие отряды⁶². Однако это весьма сомнительно. Маленькая маневренная конница Касима для таких действий не подходила. Касимовские татары впоследствии составляли засадный полк, совершали внезапные нападения на монастыри и посады, но для лобового натиска они не годились. Да и вообще источники не разу не сообщают, что служилые татары во время сражений действовали в авангарде, а тем более полностью его составляли.

В историографии до сих пор встречается мнение, что Касим косвенно упомянут в договоре Василия II с суздальским князем Иваном Васильевичем 1448–1449 гг., так как последний должен был платить дань с Городца *«царю»*. В Городце сторонники данной версии видят Городец Мещерский, а *«царя»* отождествляют с Касимом⁶³. Вместе с тем, Городец, по резонному замечанию А. А. Зимина, — это одноименный город на р. Волге, расположенный в Нижегородской области⁶⁴. К тому же в грамоте Ивана Васильевича Василию Темному Городец прямо отнесен к нижегородской округе (*«Новгородским местам»*)⁶⁵. Касимов же вообще, в отличие от него, не входил во владения Суздальско-Нижегородских князей. А царь, как отмечает Б. Р. Рахимзянов, — это не Касим, поскольку тот всегда именовался царевичем⁶⁶. Под царем же, очевидно, следует понимать большеордынского хана, дань которому Василий II так или иначе вынужден был платить до конца своих дней, собирая эти деньги, в частности, с новгородцев и своих братьев, удельных князей⁶⁷.

Не позднее 1456 г. Касим получает во владение Мещерский городок, получивший впоследствии его имя — Касимов (нын. город Касимов Рязанской обл.), лежавший на границе Московского и Рязанского княжеств. Как уже было сказано, в договоре Василия II с умершим в 1456 г. Иваном Рязанским было условлено, что рязанский князь должен отчислять часть средств на содержание Касима. Этот договор упоминается в известном докончании 1483 г. между тогдашними московским и рязанским князьями, где постановлено данные условия соблюдать и в отношении нынешнего касимовского царевича — Данияра.

Некоторые исследователи полагают, что данный документ говорит о независимости (или полунезависимости) Касимова, на содержание которого выплачивались дани (заметим, впрочем, что это слово в докончальных грамотах не фигурирует)⁶⁸. Наиболее развернуто этого мнение высказал Б. Р. Рахимзянов⁶⁹. Вместе с тем, как показал А. Г. Бахтин, указанные договорные грамоты можно интерпретировать как обязательства содержать московского вассала, выплачивая ему оклад за службу. Кстати, согласно любопытным наблюдениям исследователя, понятия, связанные с выплатой дани, приобрели в Московском государстве двоякое значение — ее выплачивали, к примеру, для содержания в 1504 г. татар Казанского ханства, находившегося в то время под московским влиянием⁷⁰. М. Г. Сафаргалиев и Ю. В. Сафаргалиев обратили внимание на договор, заключенный в 1504 г. между Иваном III и Юрием Рязанским, в котором Касимов — *«Царевичев Городок»* — по мнению данных ученых приравнивается по статусу к Казанским и Астраханским ханствам. И во все эти татарские образования московский и рязанский князя будто бы по завещанию Василия II платили *«выход»*, и рязанскому князю будет дозволено прекратить вносить платежи лишь тогда, когда это сделает московский правитель⁷¹. Вместе с тем Василий Темный не платил до конца своих дней никакой дани ни в Казань, ни тем более в Астрахань. И в его *«духовной грамоте»* завещается, что если *«Бог переменит Орду»*, Иван III не будет в нее платить дань и не станет взимать ее частичной оплаты с удельных князей⁷². Но в 1504 г. после падения Большой Орды Иван III в договоре с рязанским князем мог сослаться на этот пункт разве что лишь в том смысле, что если он прекратит выплачивать какие-то суммы татарам, то не станет брать податей и с рязанского князя. Царевичев городок

в том договоре отнюдь не выступает в качестве отдельного постзоло-оордынского государства наравне с Большой Ордой (к тому времени ликвидированной), Крымским, Казанским и Астраханским ханствами. Ведь наряду с ним упоминались и «иные» «цари» и «царевичи», которые будут в «земле» великого московского князя, а содержать их также должны были московский и рязанский князья и их наследники. И этих царей и царевичей точно никак не возможно приравнять к Казани и Астрахани. Касимов, он же Царевичев Городок, упомянут наряду с ними отнюдь не в качестве осколка Золотой Орды типа Большой Орды, Казани и Астрахани, а, скорее, как своеобразный удел, определенно расположенный на территории Московского княжества. В этом плане он выделялся даже на фоне Казанского ханства, которое находилось в то время под московским влиянием, но все же по-прежнему считалось отдельным государством⁷³.

Отмечу, что это хорошо согласуется с вышеприведенным известием Ермолинской летописи, согласно которому Касим «служыл» Василию II до февраля 1446 г. То есть он был служилым царевичем на московской службе, а не ханом более или менее суверенного осколка Золотой Орды, которому русские великие княжества будто бы платили подати. И в дальнейшем он это положение сохранял. В 1467 г. по приказанию нового московского князя Ивана III он попытается занять вакантный казанский престол.

Как Касим пытался добыть казанский престол в 1467 г.

Одним из важнейших событий в служебной биографии Касима стала его попытка занять освободившийся в 1467 г. казанский престол. Этому походу посвятил отдельный параграф Б. Р. Рахимзянов⁷⁴ и уделил немало внимания с точки зрения истории походов русских войск Ю. Г. Алексеев⁷⁵. Однако в их трудах недостаточно изучены причины неудачи данного предприятия и нет удовлетворительного объяснения разноречивых свидетельств источников о том, что же все-таки заставило Касима и его спутников отказаться от своих намерений и вернуться назад.

В 1467 г. Казани скончался местный хан, родственник Касима, и некоторые представители казанской элиты пригласили того занять престол. Иван III решил этим воспользоваться (ведь интронизация

в Казани Касима могла бы помочь подчинить Казанское ханство московскому влиянию), и отправил Касима к Казани⁷⁶ (тогда же, вероятно, великий князь послал гонцов в расположенные недалеко от границ Казанского ханства русские города с приказом приготовиться к обороне).

На день Воздвижения Креста⁷⁷ (14 сентября) 1467 г. по приказу Ивана III Касим вместе со своим отрядом и великокняжескими войском выступил из г. Владимира на Клязьме на Казань⁷⁸ (о том, что Касим выполнял «службу» Ивана III, говорит и заголовок летописного рассказа великокняжеского летописного свода о данном походе)⁷⁹. В известии Ермолинской летописи, а также безусловно восходящих к общему источнику рассказах кратких московских летописных сводах конца XV в., Новгородской летописи по списку Дубровского и в Устюжском своде также указано, что Касим был отправлен Иваном III с русским войском⁸⁰.

Предчувствуя возможность столкновения с другой частью казанской элиты — сторонниками хана Ибрагима, великий московский князь отправил с Касимом свой двор во главе с воеводами — князьями И. В. Стригой-Оболенским и И. Ю. Патрикеевым. Среди воевод значится также князь Д. Д. Холмский. В отличие от Ю. Г. Алексева я не думаю, что упоминание в летописях разных имен воевод говорит о неосведомленности летописцев и реальном противоречии с версией великокняжеского хрониста, которую ученый считает наиболее верной⁸¹. В великокняжеском своде — как в заголовке рассказа о поездке Касима, так и в самом повествовании о ней — прямо сказано, что с ним пошли разные русские великокняжеские «воеводы»⁸². Некоторое расхождение, по-видимому, заключалось в том, кто из воевод был главный — Стрига-Оболенский или Патрикеев. Вероятно, первый осуществлял общее руководство, а второй — непосредственное управление войсками или командование во время боевых действий. Холмский же играл второстепенную роль, он упомянут лишь в одном источнике⁸³. Впрочем, к тому времени Холмский еще не стал прославленным полководцем, звезде его славы еще предстояло взойти. Кроме того, есть упоминание об участии в походе удельных князей — «братьи» московского великого князя. А по воде в Казань в помощь Касиму Иван III отправил, согласно Типографской летописи, судовую рать⁸⁴ (которая, очевидно, должна была проследовать

по Клязьме и Оке в Волгу и от Нижнего Новгорода — вниз по Волге к Казани). Покойный Ю.Г. Алексеев скептически относился к сведениям об участии в походе судовой рати и считал, что упоминание о ней «*ставит под сомнение*» приведенный хронистом состав войска⁸⁵. Однако, как будет видно в дальнейшем, она (а точнее, ее опоздание) сыграло важную роль во всем предприятии, а может быть, и в судьбе Казанского ханства и Касимова, политическая история которых в случае воцарения в Казани Касима могла бы пойти по иному сценарию.

Но судовая рать по рекам шла, очевидно, существенно медленнее конницы. А может быть, и вовсе на полпути повернула назад из-за нехватки продовольствия, пополнить запасы которого ей в условиях бывшего в тот год осеннего неурожая было сложно. Так или иначе, но когда Касим со своими татарами и великокняжеским двором оказался на правом берегу Волги, не доходя Казани 40 км в районе Звеничева бора⁸⁶ и устья р. Свяги⁸⁷, его встретили вооруженные казанцы. Победу к тому времени одержали приверженцы Ибрагима, и прежние сторонники Касима, по-видимому, теперь выражали лояльность новому хану. По словам великокняжеского летописного свода, Касима они позвали на ханство «*лестью*» — обманом, а тот напрасно «*надеялся*» на искренность их намерений и зря явился с «*силой*» великого князя⁸⁸. Конечно, не следует понимать буквально, будто они изначально обманывали Касима. Ведь себе они никаких выгод не приобрели, да и ему не нанесли ущерба. Очевидно, одно время они хотели видеть его на казанском престоле. Другое дело, что к приезду Касима политическая обстановка изменилась, и никто из казанцев его не поддержал.

Далее летописи придерживаются трех основных версий:

1. Касиму не дали переправиться за реку в Казань, и он вернулся назад, не «*учинив*» ничего⁸⁹.
2. То же самое. Но причиной отхода Касима и русского войска были заморозки, в результате которых в русском войске начался страшный голод, людям приходилось есть конину⁹⁰.
- 3а. К приезду Касима казанские татары были на лодках у правого берега. Русские попытались захватить суда чтоб переправиться за реку, но татары, услышав клич княжеского постельничего Айдара, поспешно уплыли⁹¹.
- 3б. При этом другая русская «*сила*» не поспела⁹².

Под другой силой, очевидно, надо понимать русскую судовую рать — именно она могла бы перехватить на воде татарские суда. Но не успела.

Эти версии никак не противоречат, а, скорее, дополняют друг друга. Касим так и не сумел переправиться, казанские татары не желали вступать в открытое столкновение с сильным русским войском и поспешили уплыть, а русские без судов не знали, как переправиться в Казань, и бескормица побудила отступить. Великокняжеский летописец сообщает, что осень была студеная и дождливая и не стало доставать корма, а христиане в постные дни мясо ели (значит, дело было в Филиппов пост, длившийся с 15 ноября до 25 декабря), а их кони мерли от голода⁹³. Что касается самих людей, то они, по-видимому, в массе своей оставались в живых, хотя по версии Типографской летописи они ели конину⁹⁴. Вот это то и имел ввиду великокняжеский хронист, отмечая что христиане нарушали пост — ели мясо, да еще и конское!

Любопытно, что согласно великокняжеской летописи многие побросали доспехи⁹⁵ — очевидно, что их теперь просто не на чем было везти. Великий князь не стал взыскивать за это со своих воинов и воевод. Ни Стрига-Оболенский, ни Патрикеев не утратили доверия великого князя. А Холмский и вовсе в 1471 г. станет одним из самых главных и славнейших великокняжеских полководцев. В те времена (и позднее) бескормица считалась уважительным поводом отложить военный поход русских войск, а московские войска в XV в. обычно не брали больших запасов провианта и фуража, рассчитанных на многодневный, а тем более, многонедельный поход, и для них в было вполне естественно ходить «*по корм*», в «*зажитье*», добывать это у окрестного населения⁹⁶. В данном случае весьма показательно вышеуказанное замечание летописца, что из-за холода и дождей не стало корма и у людей, и у коней. Совершенно очевидно, что здесь не может идти речь о подножном корме, годном разве что коням в пищу. Несомненно, речь шла о том, что у окрестного населения погибла часть урожая, и войско Ивана III не могло у них в достаточном количестве забрать провианта для себя, а также корма и фуража для коней. А привычку русских войск к такому способу пополнения своих припасов официальный московский хронист считал обычной и не нуждавшейся в пояснениях. Но в тот раз на пути у воинства встала непогода, сгубившая у крестьян урожай, на который оно претендовало.

Касиму так и не суждено было стать ханом Казани, он так и остался касимовским «царевичем». Казанское ханство просуществовало еще почти век, и в нем не правил ни Касим, ни его сын Данияр, бывший в 1467 г. уже не в очень детских годах (с начала 147-х гг. он участник военных походов).

Не исключено, что в 1467 г. под Казанью Касим получил повреждение лица. Известно, что он носил прозвище Трегуб (а так в старину называли людей с врожденным дефектом лица — заячьей губой, хотя, как отметил А. Г. Бахтин, Касим мог приобрести подобное увечье в бою)⁹⁷. Вместе с тем, под таким прозвищем он прижизненно фигурирует в поздних памятниках, составленных в XVI в. Московское летописание XV в. спокойно неоднократно упоминало разные прозвища видных служилых людей. А вот Касима Трегубом прямо не назвало (разве что его сына Данияра, действовавшего уже после смерти своего отца, именует Трегубовым сыном)⁹⁸. Вполне вероятно, что Касим получил это прозвище в последние годы жизни, пострадав, к примеру, во время перестрелки под Казанью. Поэтому для людей, живших в XVI в., он был хорошо известен как Трегуб, но для современных хронистов — нет, так как после 1467 г. он в их летописных сводах больше не фигурирует.

О времени смерти Касима не известно. По справедливому замечанию ученых, вероятно, умер он около 1469 г. Исследователи приводят следующий аргумент: в тот год Русские войска, отступавшие от окрестностей Казани в сторону Нижнего Новгорода, где-то неподалеку от Звеничева бора (находившегося в 40 км выше Казани по течении Волги), встретили его жену, мать Ибрагима⁹⁹ (Касим таким образом, как верно полагают исследователи, был по тюркскому обычаю после смерти своего покойного брата Мамутяка был женат на его вдове, матери Ибрагима). Та им сказала, что ее отпустил Иван III, и пообещала наладить мир между Казанью и Москвой.

Данияр

Данияр в походе на Новгород 1471 г.

Обычно полагают, что сын Касима Данияр впервые начал фигурировать в источниках с 1471 г. Другое дело, что в Тверской летописи есть незамеченное исследователями уникальное упоминание о некоем безымянном «царевиче Касымове сыне»¹⁰⁰, участвовавшим вместе с русскими удельными князьями и судовой ратью в осеннем походе на Казань в 1469 г. Но справедливости ради стоит заметить, что поскольку он не назван по имени, мы можем лишь предполагать его тождество с Данияром, так как не имеем данных о наличии у Касима других детей. Однако в то же время, мы не располагаем сведениями и об их отсутствии. Поэтому вопрос о личности данного касимовского царевича остается открытым.

Вместе с тем в 1471 г. в качестве касимовского царевича определенно фигурирует уже Данияр. Данияру были посвящены отдельные очерки В.В. Вельяминова-Зернова, Н.И. Шишкина и Б.Р. Рахимзянова¹⁰¹. Основные сюжеты, связанные с его службой московскому князю, упомянул А.В. Беляков¹⁰². Тем не менее в данных работах нет подробного анализа данных об участии этого царевича в различных военных походах московских войск — на Новгородскую землю в 1471, 1477/1478 и на р. Оку в 1472 г. Кроме того, в современной историографии остались нерешенными вопросы о характере его отношений с великим московским князем.

Впервые Данияр упоминается в 1471 г. как участник похода на Новгород. Однако в историографии практически не рассматривался вопрос о том, где он был и в чем именно заключалось его участие в этом походе: исследователи больше уделяли внимания касимовскому войску в связи с вопросом о его участии в знаменитой Шелонской битве, решившей исход кампании¹⁰³. В биографическом очерке о Данияре В.В. Вельяминов-Зернов достаточно скрупулезно процитировал все известия источников про участие Данияра в этой кампании, но никак не анализировал и не комментировал содержащиеся в них свидетельства¹⁰⁴. Современный исследователь Б.Р. Рахимзянов, достаточно коротко упоминая об участии касимовских татар в кампании, пишет,

что Данияр вместе со своими татарами принял участие в Шелонской битве¹⁰⁵ (заметим, что ученый опирается на летописное известие о мобилизации Данияра с его татарами в этот поход, а не на данные о его личном участии в решающем бою на Шелони, которых нет). Почти то же можно сказать и об очерке Ю. В. Кривошеева под названием «Хан Данияр на Шелони»¹⁰⁶.

Оригинальные известия об участии Данияра в этом походе содержатся в Типографской летописи, великокняжеском летописном своде 1472 г., Львовской летописи и «Словесах избранных» (в последних его имя звучит искаженно). В современном новгородском летописании, сохранившемся в Строевском списке Новгородской IV летописи, также есть знаменитое упоминание засадной татарской рати («*засадная рать татарове*»), победившей новгородцев в Шелонской битве. Но Данияр там не фигурирует¹⁰⁷.

«Словеса избранные» и Львовская летопись упоминают Данияра в качестве одного из участников похода, которого Иван III взял с собой на войну вместе с его татарами¹⁰⁸. Впрочем, надо иметь в виду, что Львовская летопись и «Словеса» были составлены много позднее описанных событий.

В «Словесах» есть недостоверные сведения о московско-новгородской войне, отсутствующие в более ранних источниках¹⁰⁹. Любопытно, что Данияр по ошибке наречен в них Айдаром, хотя верно именуется сыном Касима¹¹⁰. Вероятно, что их составитель спутал его с крымским царевичем Айдаром, который пришел служить московскому князю в 1479 г.¹¹¹

Однако, в современных источниках — сохранившемся в составе Типографской летописи ростовского владычного своде, а также московском великокняжеском летописном своде 1472 г. — содержатся более конкретные сведения об участии Данияра в московско-новгородской кампании, о том, в какой колонне ехал Данияр, а в какой — его войско.

Так, из них видно, что Данияр с самого начала выступал из Москвы фактически без своих отрядов: те выехали в другой колонне, с И. В. Стригой-Оболенским. Об этом достаточно определенно сказано в Типографской летописи: Иван III «...*Ивана Стригу отпусти по Мьсте вверх съ царевичевыми Татары, самъ же поиде с Москвы, уговевъ Петрова говенья две недели... и с нимъ же поиде царевичъ, Каисимовъ сынъ, Даниярь*»¹¹². Не стоит исключать, что какой-то

относительно небольшой военный татарский отряд сопровождал Данияра в великокняжеской колонне, хотя источники не сообщают таких подробностей, но основные силы касимовских татар, безусловно, шли в восточной колонне с И. В. Стригой-Оболенским.

Повесть о походе Ивана III в Новгородскую землю, содержащаяся в великокняжеском летописании и во многом основанная на данных походного дневника, уточняет, что 13 июня великий князь направил «...князей *царевичевых Даньяровых со многими татарами*» с И. В. Стригой-Оболенским через Вышний Волочек на р. Мсту¹¹³ (в дальнейшем эти татары были переброшены в западную колонну Холмского, действовавшего в Приильменье, и 14 июля участвовали в Шелонской битве в качестве засадного полка, сыгравшего важную роль в победе над новгородцами)¹¹⁴. А Данияр выступил из Москвы уже неделю спустя, 20 июля, вместе с Иваном III¹¹⁵. (Притом, как и в Типографской летописи, Данияр в составе этой колонны упоминается без татар).

24 июня (на рождество Иоанна Предтечи) они были в Волоколамске, где к ним пристали все принявшие участие в кампании русские удельные князья — братья Ивана III и Михаил Верейский со своим сыном Василием¹¹⁶. Как мы видим, эта колонна имела особый правительственный состав: там с великим московским князем Иваном III собрались все удельные князья и касимовский «царевич» Данияр. В отличие от колонны Стриги Оболенского, идущей с востока по Мсте, и колонны Холмского, действующего на западе в Приильменье, она двигалась как бы посередине — в сторону села Яжелбицы.

Кроме того, из данного источника можно заключить, что Данияр продолжал следовать в этой колонне и дальше, и 14 июля в Шелонской битве также не принимал участия.

Когда 18 июля гонец Холмского прибыл в великокняжескую ставку, в Яжелбицы, с вестью о решающей победе над новгородцами, Данияр был там вместе с Иваном III и его братьями¹¹⁷. Из удельных князей там отсутствовал Михаил Верейский вместе со своим сыном Василием, которых Иван III вместо Холмского отправил осаждать новгородскую крепость Демон.

Правда, в рассказе великокняжеского летописания о событиях 27 июля в устье р. Шелонь имя Данияра не фигурирует, в отличие от имен удельных князей, которых новгородские делегаты просили

ходатайствовать за себя перед Иваном III. Но, с другой стороны, в источниках нет ни одного упоминания о том, чтобы Данияр что-либо советовал Ивану III или за кого-то его просил о чем-либо, или присутствовал на совещании, на котором принимались решения об объявлении войны. Его дело было в войнах участвовать.

Не исключено, что он следовал в колонне с Иваном III до конца кампании и вернулся в Москву. Во всяком случае, согласно Типографской летописи, по возвращении в Москву Иван III одарил Данияра, так как его 40 татар было убито «*новгородцами*», а затем «*отпустил*» «*в Мещеру*»¹¹⁸. По мнению Ю.В. Кривошеева, они пали в Шелонской битве, что, с точки зрения данного историка, является главным аргументом в пользу их участия в ней¹¹⁹. Однако источник не упоминает, в каком сражении это произошло. Не исключено, впрочем, что они понесли потери не только в ней, а еще и разоряя новгородские владения на Мсте или в столкновениях с новгородскими судовыми ратями в Приильмене (не стоит исключать, что они были переведены к Холмскому еще до них, и приняли в них участие наряду с его московскими войсками). В приведенных московским хронистом без каких-либо комментариев показаниях, взятых на Шелони новгородских пленников, есть уникальное описание военной символики касимовских татар, имевших по сравнению с русскими войсками Московского княжества большие скипетры, стяги и желтые знамена¹²⁰.

Кроме того, в летописных известиях о данной кампании присутствуют единственные за весь XV в. прямые свидетельства о составе касимовского воинства. В рассказе о выступлении татар из Москвы со Стригой 13 июня летописец делит татар на князей и собственно татар¹²¹. «*Словеса избранные*» делят касимовское войско Данияра на «*его царевичей*» (детей Данияра), князей (мурз), «*его казаков*» (рядовых воинов) и «*всех их людей*» (слуг), в то время как войско оставшегося охранять Москву другого татарского «*царевича*», Муртозы, подразделяют лишь на князей (мурз) и казаков (рядовых воинов)¹²². С другой стороны, надо иметь в виду, что Данияр в этом позднем источнике спутан с Айдаром, поэтому не ясно, чьи царевичи тут подразумевались. Аутентичных сведений о детях Данияра нет. В то же время сама организация касимовского войска передана достаточно верно: все рядовые воины упомянуты после «*князей*», но одновременно они

значились «его» (царевичевыми) казаками, а не мурз или других царевичей. В повествовании Ермолинской летописи о русско-ордынской войне 1472 г. применительно к войску Данияра употребляется понятие «его двор»¹²³.

Можно также считать, что татары Данияра, в основном, применяли в Шелонской битве лучный бой. Ведь иначе немногочисленному касимовскому войску (которое в 1470-х гг. состояло из нескольких сотен всадников) очень сложно было бы успешно сражаться с относительно крупным новгородским воинством даже при самом удачном внезапном нападении на него из засады с тыла — новгородцы просто смяли бы его при лобовом столкновении. А сами новгородцы в том бою луки мало использовали. По словам Типографской летописи, они предварительно перестреливались с московскими войсками через Шелонь¹²⁴. Однако когда великокняжеские силы стали форсировать Шелонь и ее левый приток «Дрянь»¹²⁵, новгородцы не стремились отстреливать неприятелей на столь сложной переправе, хотя у них была бы возможность сразить многих из них сбоку, когда те переправлялись через Шелонь, что, вероятно, могло бы существенно скорректировать результаты сражения. Вместо этого новгородские ратники, согласно рассказу местного летописания, попытались оттолкнуть их за Шелонь, уже когда те подступили к ним¹²⁶. А татары традиционно хорошо владели техникой лучного боя, и в рассказе новгородских пленников экзотические полки, обрушившееся на новгородцев с тыла, представляются грозной силой, а отнюдь не жалкой горсточкой людей, какой они были в численном отношении по сравнению с новгородским ополчением.

Где был Данияр на Оке 31 июля 1472 г.?

В 1472 г. Данияр в составе русских войск участвовал в противостоянии с татарами большой Орды, которые летом во главе с ханом Ахматом приблизились к русским пределам и даже «*по рану*» в среду 29 июля подошли принадлежавшему Московскому княжеству город Алексину, расположенному в то время по правую, южную сторону Оки на Ильиной горе, фактически в Диком поле. 30 утром в Москву к Ивану III пришла весть об этом. Должно быть тогда же он отослал под Алексин свой «двор» во главе с воеводой Челяднином, а также гонца к алексинскому воеводе, который должен был передать ему требование «*распустить*»

горожан и сдать крепость, так как она не была подготовлена к обороне. Между тем Алексину в то время предстояло выдержать тяжелое испытание. В тот же день, 30 июля, в четверг, ордынцы, согласно Типографской летописи, подожгли город, но его защитники проявили упорство и не сдались врагу¹²⁷.

Гонцы, как и Челяднин, прибыли к Алексину уже на другой день, 31 июля, но распустить алексинцев не успели. К городу вновь подступили татары Большой Орды. Согласно великокняжескому летописному своду 1472 г., «в пятюк» (пятницу) 31 числа ордынцы захватили и сожгли город. И после этого алексинский воевода Беклемишев спешно отступил за реку, на северный левый берег, и какое-то время не давал ордынцам форсировать ее, в этом ему помогал другой воевода «Петр Федорович»¹²⁸ [Челяднин]. Отметим, что ордынцам все же удалось ступить на левый берег. Другое дело, что закрепиться на нем они не сумели и вынуждены были отступить назад к Алексину. Как говорит великокняжеское летописание, воеводы, у которых кончились стрелы, уже решили бежать, но тут им на помощь подоспели свежие русские силы «...и начаша одолевать татар». Те, видевши «множество полков хрестыанских», «побегоша за реку» назад к Алексину¹²⁹, а по свидетельству Типографской летописи вновь прибывшие войска «...отняша» у них левый берег, «а которые Татарове перевозоися реку и техъ пребиша на ону [правую] сторону, а иныхъ ту убиша и суды у нихъ поотнимаша, и начата чрезъ реку стрелятися»¹³⁰.

Вновь прибывшие русские полки вели удельные князья — сын Михаила Верейского Василий Михайлович и Юрий Дмитровский, приехавшие с других участков левого берега порубежной р. Оки, где они охраняли южные рубежи Московского княжества для отражения ордынских набегов. Есть также сведения о прибытии удельного князя Бориса Волоцкого с его двором. (Впрочем, Борис, в отличие от других князей, прибыл не с Оки, а с Козлова брода¹³¹ — района нынешнего г. Чехова на р. Лопасты, севернее Серпухова. Он находился не на Оке, хотя недалеко и от южных рубежей, и от западных рубежей Руси. Очевидно, в его задачу входило следить, чтоб татары не вторглись с запада, с территории Литвы, со стороны порубежной р. Угры, и в то же время иметь возможность быстро прийти со своим войском к Оке в помощь несущим там стражу русским полкам, если ордынцы выйдут к Оке.

Любопытно отметить, что согласно незамеченному историками свидетельству великокняжеского летописания, Данияр лично присутствовал в числе русских войск, ставших в этот день напротив Алексина. Завидев их, хан Ахмат поспешил покинуть этот город в ближайшую ночь: *«Полци великого князя и всех князей приидоша к Берегу, и бысть многое множество их, тако же и царевич Даньяр. И се и сам царь прииде на Берег и, видев многие полки великого князя, аки море колеблющися, доспеси же на них бяху чисты велми, яко серебро блистающу, и вооружены зело, и начат от Брега отступати по малу в ноци той, страх и трепет нападе на нь, и побеже гоним гневом Божиим»*¹³². Под великокняжескими полками, вероятно, подразумевается великокняжеский двор, который привел воевода Ивана III — Челяднин. Но возможно, какие-то отряды привели с собой удельные князья, взяв их в приграничных поокских московских землях, где они стояли на страже границы. Типографская летопись также подтверждает информацию, что Алексин пал перед тем, как татары стали переправляться на другой берег и их оттуда отогнали подоспевшие полки русских удельных князей¹³³.

Несколько иная информация содержится в рассказах Ермолинской летописи, рассказах московских сокращенных сводов конца XV в., в Софийско-Львовском и Устюжском сводах (которые, как отмечают исследователи, восходят к общему протографу)¹³⁴. В сокращенных сводах данные повествования фигурируют под названием *«О Алексине граде»* (в дальнейшем мы их условно будем так называть даже применительно к вариантам, содержащимся в Ермолинской летописи и др.). Не исключено, что их первоисточник связан с Белоозером и читался в белозерском летописании¹³⁵: во всех списках летописной повести об Алексине граде возвеличивается роль сына удельного князя Михаила Верейского-Белозерского Василия Михайловича, названного в повести Удалым.

Согласно повести об Алексине граде, воевода московского города Алексина Семен Беклимишев сбежал за Оку еще до падения Алексина, когда ордынские татары только подошли к городу, бросив горожан на произвол судьбы. Ордынцы бросились за ним на судах, но не поймали. А отогнал их назад к правому берегу один лишь Василий Михайлович Удалой с немногими силами, первым подоспевшими к левому берегу Оки напротив Алексина. Другие удельные князья подошли немного

позднее, и с ними — с двором великого князя — великокняжеский воевода Петр Федорович Челяднин, который таким образом в боевых действиях, вопреки версии великокняжеского летописания, не принял никакого участия. Алексин же был захвачен и сожжен уже на глазах подоспевших к противоположному берегу свежих сил, но те ничего не смогли поделать, так как не могли форсировать на конях глубокую реку. Однако сами ордынцы, рассмотрев многочисленное русское воинство, почувствовали себя неуютно и вызвали к себе за реку для переговоров прибывших с русским войском служилых татар, став их спрашивать о составе русского воинства¹³⁶.

Ермолинская летопись добавляет к этому, что ордынцы спрашивали, в частности, про Данияра. На эти расспросы, согласно всем вариантам повести об Алексине граде, служилые татары ответили, что Данияр со своим «двором»¹³⁷, или «*татарами*»¹³⁸ находится в Коломне. Как прибавляет Ермолинская летопись, по словам служилых татар, с Данияром в Коломне находилось много воевод и воинов великого князя. А на вопрос ордынцев, кто это встал на берегу против Алексина, служилые татары ответили, что это удельные князья Андрей Углицкий и Борис Волоцкий со своими дворами. После этого ордынцы «*в тот же час*» поспешили отступить из русских пределов¹³⁹. Дело, очевидно, происходило 31 июля¹⁴⁰, в вечернее время. Типографская летопись говорит, что это произошло в ночь на субботу 1 августа¹⁴¹. Добавим, что на эту же дату косвенно намекает и рассказ великокняжеского летописания, согласно которому отступление татар тоже произошло в «*ночь*» после пятницы¹⁴², т.е. с 31 июля на 1 августа.

Исследователи обычно доверяют приведенным в источниках словам служилых татар о пребывании Данияра в тот день в Коломне¹⁴³, хотя они вступают в прямое противоречие с отмеченным мною выше известием великокняжеского летописания о присутствии Данияра на левом берегу Оки против Алексина. Какая же версия верна и как они между собой согласуются? Вопрос об участии Данияра в этой войне не рассматривался специально (хотя ученые, не обращая внимания на свидетельства великокняжеского летописания, как было отмечено выше, иногда по умолчанию верили словам служилых татар, приведенным в повести об Алексине граде). Ход и хронология данной кампании обстоятельно рассмотрены в указанных работах Ю.Г. Алексеева,

посвятившего ей отдельные статьи и очерки в монографиях¹⁴⁴. Но и там некоторые вопросы тоже остались фактически нерешенными (прежде всего, о ходе событий под Алексиным 31 июля, времени сожжения Алексина, о поведении его воеводы и порядке прибытия к противоположному берегу свежих сил). А их следует разрешить для адекватной характеристики тех источников, в которых в связи с событиями этого дня упоминается Данияр.

Прежде всего, отметим, что летописная повесть об Алексине граде — достаточно сложный источник. События того дня, предшествующие переговорам служилых татар с ордынцами, описаны в ней тенденциозно и иногда в ущерб действительности. Прежде всего, это касается поведения Беклемишева, которого все-таки нет достаточных оснований обвинять в дезертирстве из осажденного города. Ведь он упорно оборонял город два дня подряд и покинул Алексин уже после его падения. Если бы ордынцы ко времени его отплытия не успели взять город, то как бы они смогли броситься за ним через Оку в лодках в погоню с намерениями поймать его еще на воде? Надо думать, он уходил уже тогда, когда те вступили в Алексин и так же как и он имели возможность свободно пользоваться лодками в черте города и переправиться вслед за ним через реку, хотя бы в нескольких лодках.

Таким образом, Алексин пал до прихода к противоположному берегу реки русских войск, а вовсе не на глазах у последних. Это, кстати, больше соответствует и контексту летописных рассказов. Ведь вместо долгого напряженного стояния ордынцев с вновь прибывших силами русских на разных берегах Оки, русские хронисты, в том числе и автор повести об Алексине граде, описывают достаточно быстрое развитие событий: русские воины не дали неприятелю закрепиться на левом берегу, после чего тот решил не связываться с многочисленными и хорошо вооруженными русскими войсками и вскоре отступил (по версии повести, это произошло после переговоров с прибывшими с ними служилыми татарами). Думается, есть основания доверять вышеуказанным сведениям Типографской летописи, а также рассказу великокняжеского свода о том, что Алексин пал до того, как на противоположном берегу напротив него появились русские силы. Другое дело, что рассказ повести об Алексине граде о том, что татары поплыли через Оку вслед за Беклемишевым, представляется вполне резонным.

Но только помог ему отбиваться от татар вовсе не Василий Михайлович Удалой.

Более достоверным представляется версия великокняжеского хрониста о том, что это был Петр Федорович [Челяднин]. Ведь в отличие от повести об Алексине граде, возвеличивающей роль сына Михаила Верейского, великокняжеский книжник не мог иметь по отношению к Челяднину подобных намерений. Он не помнил его фамилии и, по-видимому, не знал о его статусе, так как в летописном рассказе тот, скорее, фигурирует в качестве одного из местных воевод, вроде «*Семена Беклемишева*», и ничего кроме имени-отчества не выдает в нем известного из повести об Алексине граде видного столичного полководца, возглавлявшего «*двор*» великого князя. Соответственно, московский великокняжеский хронист не имел резона ему приписывать каких-то несуществующих подвигов, вместо сына Михаила Верейского, о котором он пишет также вполне уважительно. Таким образом, есть основания полагать, что великокняжеский воевода Петр Федорович Челяднин поспел на помощь Беклемишеву раньше удельных полков. Правда, по-видимому, опередил их на небольшой промежуток времени, что дало возможность белозерскому книжнику приписать это сыну местного удельного князя. (Не исключено, что московский хронист плохо помнил Челяднина по причине его молодости — до этой кампании он не упоминается в источниках и, надо думать, ранее не состоял на должности большого военачальника. Не исключено, что Иван III на этот раз специально поставил во главе своего двора не опытного прославленного полководца, а молодого удальца, в задачу которого входило не принимать мудреные решения, а храбро сражаться. Но на войско сына верейско-белозерского удельного князя, которое хорошо запомнило его фамилию и должность, такой молодой, но весьма высокостатусный и бравый великокняжеский воевода, видимо, произвел большее впечатление, потому-то в повести об Алексине граде белозерского происхождения имя и статус воеводы указаны точнее, чем в московском источнике, несмотря на то, что московский хронист более правдиво описывает его роль в бою с татарами).

Вместе с тем, дальнейшие сведения повести об Алексине не противоречат действительности, а также показаниям других источников. В том числе и в вопросе о месте пребывания в тот день Данияра.

Ведь приведенные в ней слова служилых татар о его нахождении в Коломне, вопреки расхожему мнению, на деле отнюдь не отражали авторской позиции ее составителя.

Показания служилых татар при ближайшем внимательном их рассмотрении оказываются лживыми, хотя, безусловно, делают честь их дипломатическим способностям. Сообщая ордынцам о расположении русских войск, они явно акцентировали внимание на том, что русские стоят во всех порубежных поокских городах от Тарусы (где, по-видимому, и в самом деле стоял удельный князь Андрей Меньшой¹⁴⁵) до Коломны, надежно контролируя русские границы и, соответственно, в достаточно короткие сроки могут прибыть к Алексиному.

Для большего эффекта татары старались преуменьшить количество пришедших с ними удельных полков. На вопрос ордынцев, «...а сей кто стоит против царя?» напротив Алексина, служилые татары, согласно рассказу Ермолинской летописи, ответили неправду: «А то князь Юрьи да князь Борис, братья великого князя, толко пришли с своими дворами»¹⁴⁶. Заметим, что они умолчали о присутствии верейцев и самого великокняжеского «двора» во главе с полководцем Ивана III Челядниним, которые фигурируют в повести об Алексине граде (та же самая Ермолинская летопись, а также другие летописные памятники, содержащие данную повесть, прямо упоминают в числе русских войск, ставших против Алексина, сына Михаила Верейского Василия с немногочисленными людьми¹⁴⁷. Под Алексин он пришел из лежащих выше по Оке областей, т.е., надо думать, из района приграничного г. Калуги, где стерег русские рубежи на случай появления ордынцев. О присутствии Василия Михайловича в тот день под Алексиным также упоминают независимые свидетельства великокняжеский свода и Типографская летописи¹⁴⁸. Статус воеводы Челяднина указан в той же Ермолинской летописи, а его отряда — как «двора» великого князя — в сокращенных московских сводах конца XV в. и Устюжском своде¹⁴⁹. Хотя присутствие Челяднина на Оке против Алексина упомянуто также повести об Алексине по Софийско-Львовскому своду¹⁵⁰, а великокняжеский хронист, как было сказано выше, упоминает об активном участии этого «Петра Федоровича» в боях с ордынцами у левого берега до подхода Данияра и удельных князей и присутствии великокняжеских полков против Алексина). Так что служилые татары

дали неприятелю заведомо неверную информацию о составе прибывших с ним отрядов. Делалось это не для преуменьшения численности войск (ордынцы с Ильиной горы хорошо видели пространство противоположного берега и могли составить сами о ней примерное представление), а для того, чтобы создать впечатление об относительно большей численности удельного полка и, соответственно, стоявших по Оке русских войск (которые быстро могли прийти под Алексин на подмогу своим против ордынцев).

Кроме того, в рассказе служилых татар можно заметить еще одно несоответствие с действительностью, которое могло быть гораздо более очевидным для неприятеля. Сообщая о прибытии одних *«тол-ко» «дворов»* удельных русских князей, они сами служили доказательством обратного, ведь они никак не могли входить в состав последних, а относились к дворам служилых царевичей.

Не исключено, что служилые татары в данном случае не стремились сделать свою ложь правдоподобной. Согласно независимым друг от друга свидетельствам повести об Алексине граде по Ермолинской летописи и великокняжеского свода, хану большой орды Ахмату и без того было не по себе при виде появившихся напротив Алексина свежих, сравнительно многочисленных и хорошо вооруженных сил неприятеля¹⁵¹. Другие варианты повести об Алексине граде также отмечают, что ордынцев напугала многочисленность стоявших за рекой вражеских сил¹⁵², и доверять этим сведениям есть основания, поскольку ордынское войско было в тот день ослаблено — заражено смертельной *«язвой»*¹⁵³ и плохо снаряжено — как люди, так и боевые кони. Именно к этому времени, скорее всего, относятся слова ярлыка Ахмата, что люди у хана без одеж, а кони без попон, из-за чего он и отошел от *«Берега»* Оки¹⁵⁴. Отсюда, вероятно, отмеченное хронистами повышенное внимание ордынцев и их хана к добротному состоянию вражеских доспехов. Ахмат едва ли сомневался, что часть русских войск расположилась в окрестных поокских городах, охраняя южные рубежи московского княжества и может также быстро прийти к Алексину. Недаром под Алексин он подошел в обход, через приграничные литовские земли, и вообще внезапно (*«изгономъ»*) появился под укреплениями этого плохо подготовленного к обороне города, а не стал брать Коломну и другие поокские порубежные

московские города, которые были ему больше по пути на Москву из волжских степей.

Но откровенное вранье служилых татар не могло не нервировать большеордынского хана еще сильнее, ведь из их лживых рассказов было совершенно не ясно, кто и где именно стоит на самом деле, и откуда, соответственно, можно ожидать опасности. Поэтому неудивительно, что после таких переговоров Ахмат принял окончательное решение уводить войска и в ту же ночь поспешил уйти с основными силами. Согласно Типографской летописи, отдельные отряды (или просто разрозненные группы татар) покинули правый берег Оки на другой день 1 августа, в светлое время¹⁵⁵.

Словам служилых татар о том, что Данияр стоит в Коломне, хан совершенно не верил (равно как и о пребывании с Андреем Меньшим другого служилого царевича Муртозы)¹⁵⁶. Согласно повести об Алексине граде, при отступлении и хан, и ордынцы опасались преследования со стороны удельных князей и обоих царевичей, кроме того, у хана было опасение, что царевичи неожиданно вторгнутся в его земли и захватят его жену¹⁵⁷. Некоторые основания для этого у него были: не потому что те это хотели сделать, а потому что служилые царевичи с их маневренными и не очень большими отрядами были способны на такие внезапные налеты (татары Данияра в этом отношении, кстати, хорошо показали себя на Шелони и в дальнейшем, в 1477 г., при захвате пригородных монастырей под Новгородом).

Кстати сказать, согласно великокняжескому летописному своду, некоторое время спустя после отступления татар Иван III (который, очевидно, и вправду, как сказали о нем служилые татары, был в начале августа в Ростиславле)¹⁵⁸, действительно послал некоторые полки на тот берег Оки схватить отстающих ордынцев и взять их в полон — видимо, тех самых, что ушли уже при свете дня 1 августа.

Русские войска не нанесли ордынскому воинству урона (скорее всего, не желая заразиться от них язвой и вызвать в своих рядах распространения эпидемии. Любопытно, что до приказа Ивана III никто из воевод не выражал намерений броситься за реку в погоню за уходящим больным ордынским войском). Но как видно, высланные разведчики все же проследили за большеордынскими татарами и сообщили, что те ушли зимовать в свои владения. Вероятно, разведка

заняла несколько дней. Это можно предположить из сообщения великокняжеского летописания о том, что хан добежал до своей ставки за 6 дней¹⁵⁹. За такой срок на конях от Алексина до нижнего Поволжья конечно, доскакать невозможно. Но зато несколько дней — примерно до 6 августа — вполне хороший срок для русских войск, чтобы выехать относительно недалеко в Дикое поле и твердо установить, что Ахмат не пошел на запад в Литву на соединение с союзными войсками Казимира Ягеллончика или по пути в волжские степи не пограбил южные «украины» Рязанского княжества, а вместе со своим изможденным войском (теряя по пути умирающих от эпидемии людей и коней)¹⁶⁰ отправился в свои владения на зимовку.

В таком случае русские войска потратили на разведку около 3 дней — с 3 по 6 августа (приблизительно с 1 по 3 августа гонец должен был доехать в ставку к Ивану III, передать весть об уходе Ахмата и отстающих татар, получить дальнейшие указания и вернуться с ними к своим). На непродолжительный и недалекий характер этого похода косвенно указывает тот факт, что русские войска не узнали о нападении на ордынские земли узбекского хана Мухаммеда Шейбани. Т.е., очевидно, южнее верховьев Дона они не ходили, удовлетворившись известиями о том, что войско Ахмата измождено эпидемией, унесшей жизни людей и коней, и ушло восвояси, а не отправилось за подмогой в Литву или разорять окраины Рязанского княжества.

Участие Данияра с его татарами в данной разведывательной экспедиции весьма вероятно: со своим маневренным отрядом, способным внезапно появляться за спиной противника (как год назад на Шелони), он был весьма полезен в таком предприятии.

Далее, согласно незамеченному исследователями известию того же великокняжеского летописания, получив весть об уходе татар на зимовку, Иван III «возвратися к Коломне, а с ним царевич Даньяр»¹⁶¹. Значит, Данияр, в эти дни в Коломне также не оставался (иначе он не мог «возвратиться»). Оттуда Иван III отпустил Данияра в Касимов, а сам двинулся к северо-северо-западу и прибыл к себе в Москву 23 августа¹⁶².

Таким образом, у нас есть все основания доверять словам великокняжеского летописания о присутствии Данияра с его двором 31 июля 1472 г. на левом берегу Оки напротив Алексина наряду с великокняжеским полком Челяднина и войсками удельных князей.

Правда, не исключено, что служилые татары верно говорили ордынцам, будто бы он был связан с обороной рубежа в Коломне. Это косвенно подтверждает и вышеуказанный рассказ великокняжеского хрониста, согласно которому Данияр воротился потом в этот город одновременно с Иваном III. Соответственно, под Алексин Данияр прибыл, скорее всего, именно из Коломны. Если Иван III получил сведения в Москве о приближении татар к Алексину через сутки, утром 30 июля, то Данияр в Коломне мог узнать об этом тогда же или чуть позднее (этот город расположен примерно в 160 км вверх по Оке, чуть подальше от Алексина, чем Москва). А почти за 2 полных ходовых дня, к вечеру 31 у него было время преодолеть это расстояние с его людьми на конях (равно как и у великокняжеского полководца Челяднина — преодолеть около 140 км от Москвы с «*двором*» великого князя)¹⁶³.

Нельзя не отметить, что полки удельных князей прибыли из разных мест к заречным окрестностям Алексина фактически одновременно (и, видимо, примерно в одно и то же время с полком Челяднина, лишь немногим позже).

Это не могло быть простым совпадением. Очевидно, у них было изначальное предписание быть готовыми в любое время ехать к тому приграничному месту, к которому подойдут ордынцы. И гонцы их исправно информировали. Прибыл такой гонец и в Коломну к Данияру, тот быстро выехал и к вечеру 31 июля поспел к правому берегу Оки против Алексина. Хотя летописи не раскрывают его роли в событиях 31 июля, но можно судить определенно, что он был в числе войск, которые стояли в тот день против Алексина, а потом, с большой долей вероятности, принял участие в походе за Оку вслед за отступавшими ордынцами. А затем, вернувшись из степей, прибыл к Ивану III в Ростиславль (располагавшийся на р. Оке, в 25 км выше Коломны, на правом берегу реки в районе нын. села Сосновка Озерского района Московской обл.) и прошел вместе с ним вдоль Оки до Коломны (где разделялись пути на Касимов и на Москву).

Данияр на Московской службе в 1470-х гг.

В 1474 г. в наказе своему послу в Крым Иван III упоминает некоего безымянного царевича Тохтамышева рода, чьи люди пограбили кафка-ианцев¹⁶⁴. Московский великий князь велел передать, что он не знает, кто именно это из них совершил, поскольку к тому царевичу много кто поступает на службу. Иногда этого Чингисида отождествляют с касимовским царевичем Данияром¹⁶⁵, хотя речь могла идти и о другом служилом царевиче, например, Муртозе. По мнению Б. Р. Рахимзянова, слова великого князя свидетельствуют о значительной самостоятельности этого царевича, но с другой стороны, их можно понимать и в том смысле, что онный Чингисид «...предстает перед нами простым наместником великого князя, имеющим право самостоятельно набирать себе штат чиновников и обязанным поддерживать порядок на вверенной ему территории (в т.ч. и безопасность торговых путей)»¹⁶⁶.

В документах русско-крымской дипломатической переписки 1474, 1475 и 1480 гг. фигурируют некие служилые «царевичи», которых Иван III должен посылать в помощь крымскому хану против Большой орды, если Ахмат нападет на Крым. Впервые данное обязательство упоминается в документах, связанных с посольством в Крым Никиты Беклемишева в марте 1474 г. — в наказе послу и в списках договорных грамот крымского хана с Иваном III.

В наказе послу московский князь говорит, что если хан захочет записать его в крымско-московском договоре, то пускай так и поступает, но только пусть тогда в нем клянется со своей стороны всегда поддерживать московского государя в войнах с его недругами. В приложенных к наказу списках, по которым крымский хан должен был составить договор с Иваном III, также содержится обещание помогать московскому князю в войнах с неприятелями с условием, чтобы тот, в свою очередь, высылал своих «царевичей» против ордынцев, если те пойдут в поход на Крымское ханство¹⁶⁷.

В наказе к другому московскому послу в Крым, Алексею Старкову, выехавшему из Москвы в Крым 23 марта, снова неоднократно упоминается это великокняжеское обязательство — посылать в помощь Крыму своих безымянных «царевичей»¹⁶⁸. В наказе имелся список, по которому Менгли-Гирей должен был составить договор с московским князем: «заодин» стоять против его врагов. Взамен от великого

князя требовалось, в частности, «*царевичев своих Даньяра и Муртозу на Орду отпущати*» в случае вторжения в Крым большеордынских татар¹⁶⁹.

Но не ясно, всегда ли имелись в виду именно эти царевичи или подразумевались любые, служившие московскому князю? Думается, что второе вернее.

В наказе послу Ивану Звенцу, выехавшему из Москвы 16 апреля 1480 г., Иван III также выражает готовность посылать против ордынцев своих «*царевичей*» в том случае, если татары Большой орды пойдут войной на Крым¹⁷⁰, хотя с 1479 г. на московской службе состояли и другие царевичи — в том числе и Нур-Давлет, ставший впоследствии после Данияра касимовским правителем. Если бы речь шла только о Данияре и Муртозе, их бы, по-видимому, назвали по именам¹⁷¹. В более поздних документах, связанных с русско-крымскими отношениями, упоминание этого обязательства не встречается.

При том, в 1475 г. Данияр фигурирует наряду с Муртозой, как вассал Ивана III, обязанный ходить по его указаниям на войну с Большой ордой в том случае, если Ахмат направит войска против союзного Москве Крымского ханства. Во время военных кампаний он также подчинялся указаниям великого московского князя. Например, при рассмотрении источников об участии Данияра в обеих кампаниях 1471 и 1472 гг. можно легко заметить, что в военных походах он подчиняется распоряжениям московского князя и после окончания военных действий уходит к себе в «*Мещеру*», «*городок*» лишь после того, как великий князь его туда «*отпустил*». Это было связано не только с характерными чертами организации московских походов того времени, когда великий князь сосредотачивал в своих руках верховное командование и тем же псковичам (как будет видно на примере кампании 1477 г.) постоянно отдавал указания, куда им идти, к какому сроку, где становиться и когда уходить домой). Но если Псковская республика, управляемая при участии московских наместников, все-таки еще сохраняла некоторые черты независимости (и иногда добивалась смены неугодных ей великокняжеских наместников), то Данияр жил на великокняжеской земле, содержался за счет великого князя, его братьев и рязанского князя, и, по-видимому, мог быть и смещен по распоряжению Ивана III и заменен иным «*царевичем*».

В историографии отмечалось, что согласно договорам Ивана III с его братьями, удельными князьями Борисом Волоцким и Андреем Углицким в 1473 г., они вместе должны содержать Данияра или иного царевича, кто будет после него¹⁷². Некоторые ученые использовали данные условия, фигурирующие в этих и позднейших междукняжеских договорах, в качестве основных аргументов в пользу относительной независимости т.н. Касимовского ханства в XV в.¹⁷³ При таком подходе Касимов следует считать столицей отдельного государства до 1553 г. включительно, так как средства на содержание его правителям, в соответствии с духовной Ивана III, продолжали выплачиваться и при Иване IV¹⁷⁴. Вместе с тем, исследователи не обратили внимание на следующий пункт, содержащийся в этих договорах 1473 г. под вышеуказанными обязательствами о содержании Данияра или его преемника: *«А буде мне, брате, великому князю, и сыну моему, великому князю, иного царевича отколе принятьи в свою землю своего для дела и христианского для дела, и тебе держати с нами с одного»*. В ответных грамотах от удельных князей, соответственно, он принимал следующую форму: *«А будет тебе господину великому князю, и сыну твоему, великому князю, иного царевича отколе принятьи в свою землю своего для дела и христианского для дела, и тебе и того держати с нами с одного»*¹⁷⁵.

Из этого однозначно следует, что Данияр, соответственно, также сидел не на своей, а на великокняжеской земле по воле Ивана III, и содержался им и его братьями, потому что тот считал, что Данияр может принести ему пользу. При этом данный пункт о приеме на великокняжескую землю иного царевича, по-видимому, подразумевал возможность при жизни заменить им Данияра или его преемника, который будет *«по нем»*. Потому как этот *«иной царевич»* явно им обоим противопоставлен в качестве отдельного персонажа. В то же время, если бы это условие просто касалось приглашения на службу в Московское княжество еще одного татарского царевича, то это неизменно повторялось бы в последующих междукняжеских договорах вслед за практически дословно воспроизводимыми обязательствам о совместном содержании касимовских Чингисидов Данияра, Нур-Давлета и других, тем более что после 1473 г. на московскую службу поступали новые татарские царевичи. Но мысль о том, что Данияр мог

быть в любой момент сменен Иваном III в Касимове на другого царевича при жизни, а не посмертно, в принципе, должна была легко усваиваться родственниками великого князя и повторений не требовала. Главное было постоянно напоминать удельным князьям, что они должны содержать любого, кто будет посажен великим князем в Касимове, когда бы то ни было. В XV в. Касимов был не единственным городом, где проживали служилые татары: известен, к примеру, Новый городок на Оке, где жил Муртоза. Однако в их числе Городец Мещерский, он же Царевичев Городок, играл особо важную роль. И если бы Иван III ставил какого-то служилого царевича выше Данияра, он, видимо, теоретически мог его и посадить на место Данияра, а того выслать в другой город.

В современной историографии вопрос о статусе т.н. Касимовского ханства в XV в. остается дискуссионным. Д. М. Исхаков, Б. Р. Рахимзянов, Ю. В. Сафаргалиев полагают, что в XV в. это было вполне полноценное государство, один из осколков Орды¹⁷⁶. По мнению А. А. Зимина, напротив, оно было создано московским князем Василем Темным в его интересах и находилось в подчинении у московских властей¹⁷⁷. Схожие суждения высказала А. Л. Хорошкевич, полагая, что Касимовское «царство» при его первых царевичах Касиме и Данияре было зависимым от Москвы и отвечало внешнеполитическим интересам Московского княжества¹⁷⁸. Как считает М. В. Моисева, Касимов не имел признаков «царства»¹⁷⁹. С точки зрения А. В. Белякова, оно было изначально номинальным образованием, и статус ханства возник исключительно на «кончике пера» В. В. Вельяминова-Зернова. Другое дело, что исследователь опирается на фактический материал, относящийся к последующим векам¹⁸⁰. Но приведенные выше условия междукняжеских договоров 1473 г. свидетельствует, что и в XV в. касимовские правители считались посаженными великим князем по его воле на его земле, а вовсе не являлись властителями независимого или полузависимого отдельного государства, причем это, надо думать, установилось изначально, до Данияра, еще при его отце Касиме. Как отмечалось выше, в послании иерархов 1447 г. Дмитрию Шемяке те обещали, что Василий II прогонит татар из своей «земли», если Шемяка со своей стороны выполнит все обязательства. Среди тех татар, несомненно, подразумевался и служилый царевич Касим. И хотя он тогда, возможно, еще не был посажен в Касимове, у Василия Темного в те годы

не было никаких оснований выделять ему в дар отдельное государство за пределами Руси. Надо думать, Городец Мещерский был изначально пожалован ему в качестве кормления, но при этом Мещера сохраняла статус великокняжеской земли.

В вышеупомянутом рассказе «*Словес избранных*» о походе Ивана III в Новгородскую землю сказано, что Иван III призвал Данияра из своей Мещерской земли¹⁸¹. И хотя эта повесть составлена позже Шелонской битвы, ее составитель был современником Ивана III и знал, что Мещера не являлась территорией суверенного государства, а относилась к Московскому княжеству, и ее владельцем был отнюдь не Данияр, а московский великий князь.

Это, на мой взгляд, заставляет поставить вопрос о правомерности употребления термина «*Касимовское ханство*»/«*царство*» применительно к Мещере изучаемого периода. Это понятие стала настолько распространенным, что его привычно употребляют даже те авторы, которые не считают Мещеру самостоятельным или полусамостоятельным государством, осколком Золотой Орды (наглядный пример тому — неоднократно упоминаемая в данной работе монография А. Г. Бахтина с весьма выразительным названием «Образования Касимовского и Казанского ханств»). Вместе с тем, согласно устному замечанию М. В. Моисеева, в источниках XV в. этот термин не употребляется¹⁸².

Более того, как мы видели, они однозначно свидетельствуют о принадлежности данной области к территории Московского княжества, а касимовских царевичей изображают отнюдь не в виде правителей осколка Золотой Орды, а в качестве лиц, которых великий князь держал по своей воле на своей земле. А историографический термин «ханство»/«царство» оказывается не точным ни по существу, ни по форме. По своему статусу Мещера была чем-то вроде удела. В источниках сказано, что царевичи жили в городке (Касимове) /в Мещере. По-видимому, помимо города, они владели какой-то областью за его пределами, так как в известном московском докончании 1483 г. упомянуты разные податные, ясачные, люди.

О том, что Мещера в XV в. считалась частью Московского княжества, помимо вышеуказанных русских источников сообщает и свидетельство иностранного наблюдателя. В 1476–1476 гг. итальянский дипломат А. Контарини в течение нескольких месяцев жил в Москве,

после чего записал известный рассказ о татарине, которого вместе с его войском в 500 человек Иван III содержал на границе своей земли для военной службы¹⁸³. Исследователи справедливо отождествляют этого татарина с Данияром¹⁸⁴. Правда, с декабря 1473 г. на Оке еще одним городком владел другой служилый царевич Муртоза. В 1471 г. Иван III отдал Муртозу в услужение своему брату Андрею Меньшому, вместе с которым тот в 1472 г. стоял с войском на Оке во время вторжения ордынцев в Московское княжество. В самом конце 1473 г. Муртоза перешел на службу Ивану III и получил в кормление Новый городок на Оке¹⁸⁵. Однако Данияр пользовался несравненно бóльшим доверием великого князя. Даже в дипломатической переписке Ивана III с крымским ханом имя Муртозы указано после Данияра, а в 1477/78 гг. именно Данияра, а не Муртозу московский князь отправил в значимый военный поход на Новгород. И в духовной Андрея Меньшого 1481 г. фигурирует лишь один безымянный, но хорошо известный и ему, и Ивану III татарский царевич¹⁸⁶. Совершенно ясно, что в данном случае речь идет о Данияре, а не о Муртозе, которого Иван III ценил меньше.

Численность войска Данияра, указанного итальянским дипломатом, как мы убедимся ниже, весьма правдоподобна и хорошо соответствует данным русских источников.

Приключения Данияра под Новгородом в конце 1477 г.

В 1477/78 гг. Данияр снова участвовал в московском походе на Новгород. Согласно данным походного дневника, отразившимся в рассказе великокняжеского летописания, в октябре 1477 г. Данияр по приказу Ивана III выступил из Москвы (*«впереди»* великого князя *«на 4 дни»*), т. е. 5 октября. По распоряжению великого московского князя он поехал через Клин в Торжок. Там был сборный пункт великокняжеских войск. 23 октября Иван III, выступив из Торжка, велел ему вместе со своим воеводой Василием Образцом (который вел боровчан) идти по *«за Мсте»*, т. е. по правой стороне Мсты к Новгороду¹⁸⁷. В тот же день он отдал аналогичные распоряжения другим войскам, по каким дорогам какие отряды должны были следовать в сторону Новгорода.

По *«своей»* левой стороне р. Мсты должен был, к примеру, следовать московский воевода князь Даниил Дмитриевич Холмский

с московскими, костромскими, переславскими служилыми людьми, а также великокняжеские бояре и два тверских воеводы с кашинцами и дмитровцами.

К 19 ноября все московское войско собрались в великокняжеском стане в Полинах между населенными пунктами Локостко и Тухолью (в писцовых книгах новгородской Деревской пятины эта деревня фигурирует под несколькими названиями — Палинка, Палена, Полина. И. Ю. Анкудинов локализует ее расположение в среднем течении р. Селищенки¹⁸⁸. Были там и военачальники отрядов, идущих по берегам р. Мсты: Даниил Дмитриевич Холмский, два тверских воеводы — братья Григорий и Иван Никитичи, Василий Федорович Образец (в войске которого был касимовский отряд Данияра). Ныне это место находится на территории Крестецкого района Новгородской области). В тот день туда прибыли новгородские послы, заявившие, что новгородцы не хотят «здати» город¹⁸⁹. После этого, а, возможно, и вследствие этого, на этом же «стане» Иван III заявил о необходимости захватить Городище и пригородные монастыри, пока новгородцы их не пожгли (такое они делали зимой 1386/87 и летом 1471 г. при приближении московских войск, затворяясь в осаде).

21 ноября из стана в д. Тухоле Иван III послал в Псков Петюлю Паюсова с требованием к псковскому наместнику идти к Новгороду с самострелами и артиллерией — пушками и пищальями. А когда псковское войско придет в устье р. Шелони, Паюсов должен вернуться к великому князю и получить дальнейшие распоряжения, где встать лагерем под Новгородом.

24 ноября Иван III из своей ставки в селе Сытино (на р. Сытинке около д. Лъзень Новгородского района Новгородской области) велел своим воеводам захватить Городище и окрестные монастыри

Памятуя, что Новгород издревле раскинулся на обоих берегах р. Волхов, берущей начало из оз. Ильмень, московский князь одним воеводам приказал действовать в правобережной части, а иных послал «на другую сторону».

Следует заметить, что и тем, и другим было, по-видимому, велено занять южные подступы к городу. Тем, кто оставался на правой стороне оз. Ильмень, приказали занять Городище и некоторые «иные монастыри» (вероятно, ближайшие к нему — Нередицкий и Кириллов),

а тем, кому было приказано занять левую сторону, поручили захватить также два монастыря — Юрьев и Аркаж (последний находился недалеко от церкви Благовещения на оз. Мячино).

В ночь с 24 на 25 ноября эти воеводы со своими полками пересекли на конях по льду оз. Ильмень (где, в отличие от истока Волхова, лед становится уже достаточно крепким) и заняли оба монастыря, в то время как правобережные полки захватили другие обители и Городище¹⁹⁰.

С теми воеводами, что действовали на левой, западной стороне, надо полагать, следовал служилый касимовский царевич Данияр. Согласно известию Псковской III летописи, он оказался на западной стороне оз. Ильмень еще раньше Ивана III¹⁹¹ (а тот переехал по льду озеро 27 ноября, о чем сообщается как в том же источнике, так и в великокняжеском летописании)¹⁹². Таким образом, Данияр оказался под Новгородом с утра 25 числа вместе с великокняжескими воеводами.

В рассказе великокняжеского летописания, составленном на основе походного дневника, имя Данияра в связи с этими событиями не значит. Поэтому исследователи прежде не писали о его приходе под Новгород в этот день¹⁹³. Как видно, роль он там играл скромную, подчиняясь указаниям русских великокняжеских воевод. Но для псковичей, которые реже видели татар, он стал наиболее яркой фигурой и псковский хронист, наоборот, называет только его. А других военачальников, перешедших с ним оз. Ильмень, вовсе не упоминает, сообщая лишь о присутствии с Данияром неких прочих безымянных великокняжеских войск. Впрочем, внимание псковского хрониста привлек не только сам факт присутствия под Новгородом татарского контингента, но и его деятельность в новгородских окрестностях. Согласно псковскому летописанию, Данияр со своими татарами внезапно вторгся в новгородские «*посады*» и пригородные монастыри, после чего их наряду с касимовцами занимали и русские войска¹⁹⁴. Если под монастырями однозначно подразумеваются Юрьев и Аркаж, то посады — это уже не укрепленные районы самого Новгорода, расположенные за пределами внешних городских укреплений — валов Окольного города. Псковский хронист отметил, что Данияр не давал их жечь. Видимо, речь идет о том, что он помешал это сделать новгородцам, которые, затворившись в осаде летом 1471 г., как известно, сожгли свои «*посады*» и окрестные обители.

Поскольку во время Новгородской независимости с юга от западной, Софийской стороны города, за пределами укреплений оказывался район нын. Воскресенской слободы, то речь идет, очевидно, именно об этих посадах. В них Данияр врывался столь же неожиданно, как и в монастыри. От Аркажего монастыря они находились в непосредственной близости, за оз. Мячино.

Рассказ псковского летописания представляется достоверным. Мобильные отряды касимовских татар хорошо проявили себя утром 14 июля 1471 г. в знаменитой Шелонской битве, внезапно напав с тыла из засады на новгородцев, поспособствовав их смятению и паническому отступлению.

Не удивительно, что в 1477 г. касимовским татарам было поручено совершать внезапные захваты южных пригородных монастырей и посадов. Вдобавок все касимовское воинство в 1477 г. было очень немногочисленным — оно в те дни целиком разместилось на постой в двух правобережных маленьких пригородных обителях. Поэтому в предрассветные и рассветные часы 25 ноября оно незаметно подходило и к монастырям, и к посадам, в то время как более многочисленным русским войскам было в этом случае значительно тяжелее использовать фактор внезапности.

Кроме кварталов, располагавшихся на месте нынешней Воскресенской слободы, в средневековье в состав Софийской стороны входил неукрепленный район Кожевники. Но не исключено, что его татары в это утро не захватывали. Ведь он помещался на севере города, в то время как занимать северные подступы к Новгороду им в тот день было не велено. А войско Данияра не было слишком многочисленным, чтобы позволить себе понапрасну рисковать быть перебитым новгородцами с башен Окольного города.

Любопытно, что новгородских делегатов, гостивших у него несколько дней в Сытине, Иван III отпустил уже 25 числа, когда южные подступы к городу были заняты по его приказу. Впрочем, новгородские послы были, по-видимому, в курсе дела, так как попросили дать им пристава в качестве провожатого. На это Иван III согласился. Плана арестовывать их у него не было. До города их проводил великокняжеский человек Руно. От Сытина их путь шел к восточной Торговой стороне города, южные подступы к которой заняли

великокняжеские войска. Но Руно обеспечил безопасность новгородских послов.

Неизвестно, продолжал ли Данияр помогать великокняжеским войскам захватывать пригородные монастыри 27 ноября 1477 г., когда Иван III приказал им занять новые обители, окружив таким образом город со всех сторон.

В тот день великий Московский князь переправился через оз. Ильмень и встал на его западном берегу в селе Троица, находившемся возле истока р. Волхов. 3 дня спустя, 30 ноября, он распустил из-под Новгорода половину своих войск *«по корм»* — кормиться за счет разорения новгородских владений, и велел вернуться им 11 декабря. С ними, по-видимому, ушел и Данияр с татарами.

Но уже на другой день, 1 декабря¹⁹⁵, в понедельник, он вновь пришел под Новгород, и Иван III велел ему с татарами занять на правой *«городищенской стороне»*¹⁹⁶ р. Волхов два небольших монастыря — Кириллов и Андреевский. Оба монастыря находились у берегов р. Малый Волховец в полукилометре и километре севернее Городища. В окрестном Ковалево монастыре (нын. церковь Спаса на Ковалево) на правом берегу М. Волховца разместились приставы царевича — Петр Оболенский и Иван Звенец¹⁹⁷. Приставы, по-видимому, следили за поведением татар¹⁹⁸. Возможно, в их задачу также входило показывать им дорогу в окрестностях Новгорода. Ведь ни сам Данияр, ни его татары никогда прежде не были в этих местах даже в 1471 г., так как он шел в великокняжеской колонне до южного Приильменя, а его татары были еще раньше со Мсты были переброшены в те края к Д. Д. Холмскому, где и приняли участие в Шелонской битве (а затем, вероятно, в грабительском походе Холмского к южному берегу Финского залива).

В расположенном на том же берегу М. Волховца к северу от Ковалево монастыря Успенском монастыре (нын. церковь Успения на Волоотовом поле) стал с боровчанами на постой Василий Федорович Образец, который вернулся под Новгород одновременно с Данияром. Не исключено, что Данияр опасался отъезжать далеко от Новгорода из-за малочисленности своих войск и предпочел кормиться в окрестностях, поэтому вернулся уже на следующий день.

Что касается новгородцев, то они не собирались вести открытый бой с окружившими город великокняжескими войсками. Но вместе со своим

«воеводой» — служилым князем Василием Васильевичем Гребенкой Шуйским — укрепили город дополнительной стеной. Обе «стороны» Новгорода были уязвимы со стороны реки, так как окружавшие их валы Окольного города обрывались около берегов. Новая стена должна была исправить этот недостаток. По словам псковского хрониста, она была построена по обоим берегам р. Волхов, а также пересекала саму реку «на судах»¹⁹⁹ (из чего можно сделать вывод, что Волхов, который всегда замерзает плохо, в ту зиму фактически не стал). Как видно, новгородцы решили связать этой стеной полукружья валов Окольного города, окружавших Софийскую и Торговую стороны, чтобы лишить врага какой-либо возможности свободно пробраться в город по реке на судах.

В тот год Волхов, надо полагать, практически не покрылся льдом на всем пространстве от Городища до Новгорода (против Городища по велению Ивана III прославившийся возведением кремлевских храмов архитектор Аристотель Фьораванти стал 6 декабря строить наплавной мост на судах). И поэтому Иван III мог тайно отправить к городу вниз по реке судовой десант. Возведенная над Волховом против валов окольного города новая наплавная стена должна была защитить новгородцев от такой опасности.

Те же участки стены, что были возведены по обоим берегам р. Волхов, очевидно, соединяли наплавную часть с валами Окольного города. Ведь на севере их концы расположены строго друг против друга и доходят почти до самых берегов. А вот южная оконечность вала восточной, правобережной Торговой стороны выходила к берегу значительно выше по течению Волхова, чем вал Софийской.

К тому же последний, как и в наши дни, оканчивался сравнительно далеко от реки, от которой его отделяла пойма с островками и протоками, связанными с оз. Мячино. В связи с этим было необходимо достроить стену примерно на 400 метров от конца вала до берега Волхова, а на Торговой стороне провести длинный участок вдоль берега к югу до вала Окольного города. Вести наплавную стену наискось было невозможно — при сильном течении Волхова она была бы очень неустойчивой. Надо думать, ее провели под прямым углом, примерно до начала нынешней ул. Б. Московской, а дальше на юг по берегу Волхова протянули дополнительный сухопутный участок примерно в 700 м. длиной.

Скорее всего, была построена и вторая наплавная стена на севере города, поскольку с северной стороны в Лисицком монастыре, Кречевицах («Кречеве») и Трубичино (на р. Стипенке) тоже стояли великокняжеские войска. Но там было строить проще, так как практически не требовалось ее наращивать сухопутными участками. Даже на севере Софийской стороны вал Окольного города обрывался значительно ближе к берегу, чем с южной стороны той же левобережной части Новгорода.

К слову сказать, у московского князя были намерения взять город штурмом. Как было сказано выше, еще 21 ноября по пути к Новгороду Иван III посылал к псковичам посольство с требованием прибыть к городу с пушками и пищальями.

Однако далее исследователи описывают московскую осаду Новгорода в виде стояния без попытки штурмовать город. Лишь Ю. Г. Алексеев в одной из работ кратко отмечает, что согласно Типографской летописи, войско Ивана III вело по городу артиллерийский огонь, от которого пострадало много новгородцев²⁰⁰. Между тем сведения о попытке взять город штурмом при помощи псковских войск на самом деле содержатся в том числе и в других источниках. И в этом штурме принял участие Данияр вместе со своим татарским отрядом.

Согласно известию Степенной книги, 7 декабря касимовскому царевичу Данияру, псковичам и московским воинам было велено «в един день» подойти «ко граду»²⁰¹ с артиллерией и иным оружием (артиллерия, впрочем, была только у псковичей).

Псковичи как раз примерно к этому времени уже вместе с орудиями стали в 22–25 км от Новгорода в Поозерье — местности на северо-западном берегу оз. Ильмень, между побережьем озера и р. Веряжкой.

2 декабря псковское войско пришло в расположенную на берегу оз. Ильмень деревню Оспино возле устья р. Шелони²⁰². 5 декабря в село Троицу, в великокняжескую ставку, приехал псковский посадник и доложил, что псковичи прибыли в условленное место и ждут дальнейших указаний²⁰³. После этого Иван III им велел встать в Поозерье примерно в 22–25 км от Новгорода, у западного берега оз. Ильмень, в деревне Пискупицы (нын. Песчаное), а также владениях Полинарыиной (район нын. с. Яровицы)²⁰⁴ и на р. Веряжке в Клопском монастыре, а также, вероятно, в его округе²⁰⁵.

Поскольку Оспино находится примерно в 40 км на юго-запад от Троицы, то раньше вечера 5 декабря посланец вернуться к псковичам и передать наказ князя не мог. Те с пушками и пищальями в день проезжали в среднем по 30–32 км²⁰⁶, т.е., по-видимому, расположились на территории Поозерья в субботу 6 числа, во второй половине дня (любопытна в этой связи сентенция Псковской III летописи, что псковичи стояли под Новгородом *«ровно 7 недель»*. Если считать их от 6 числа, когда они, вероятнее всего, прибыли в Поозерье, то псковский хронист все рассчитал правильно с точностью до одного дня. Ведь псковичей отпустили домой из-под Новгорода аккуратно в субботу 24 января²⁰⁷). Поэтому вполне вероятно, что 7 числа их посетил великокняжеский посланец и велел быть готовыми прийти под внешние городские укрепления с артиллерией. Данияру, стоявшему на постое в пригородном правобережном монастыре, было передано в тот день то же самое.

Любопытно, что именно 7 декабря в ставку к Ивану III прибыли новгородские послы. От них великий князь через своих людей потребовал ликвидировать новгородские политические институты. Но великий князь, безусловно, понимал, что Новгород далеко не сразу будет способен смириться с необходимостью это выполнить. Вероятно, именно поэтому, в тот же день он отдал приказ и Данияру, и псковичам, и всем своим остальным войскам быть готовыми прийти к городу с оружием и попытаться взять его штурмом с помощью пушек, чтобы усилить давление на новгородцев, тем самым принудить их принять условия победителей.

Надо заметить, что псковичи и Данияр в эти дни, в самом деле, принимали участие в неудачной попытке артиллерийского штурма города. Эта попытка не увенчалась успехом и, по-видимому, не привела к большим жертвам.

Многое проясняется в рассказе псковского летописания: сообщая о возведении новгородцами стены через Волхов, псковский хронист прибавляет, что Иван III посчитал нецелесообразным штурмовать ее, хотя, возможно, и простоял под ней потом с большим войском некоторое время. Впрочем, должен заметить, что фраза построена несколько неудачно: указано, что Иван III счел неразумным стоять под этой стеной, так как не желал массового кровопролития с обеих

сторон, но в то же время сообщается, что поэтому он остался стоять под ней с войском. По-видимому, это надо понимать так: он отказался от штурма, но остался стоять некоторое время под стеной. Впрочем, не исключено, что он вскоре вновь разослал полки по окружавшим город монастырям²⁰⁸. В составе войска, стоящего под наплавной стеной, возведенной над рекой, псковский хронист отмечает псковичей (которые-то и прибыли в Новгородскую землю с артиллерией), тверичей (очевидно, имеются в виду кашинцы с воеводами Григорием и Иваном Никитичами), а также сообщает о присутствии Данияра с его татарами²⁰⁹.

Скорее всего, немногочисленные, но мобильные полки Данияра должны были, когда псковичи пробьют стену, стремительно проскользнуть за нее и ловко атаковать защитников, открыв дорогу основным силам.

Походный дневник Ивана III, отразившийся в великокняжеском летописном своде, позволяет отнести неудачную попытку штурма города к 14 декабря 1477 г.

В тот день, согласно ему, псковичи подошли под самый город, и прибывшие к Ивану III в ставку новгородские делегаты просили смиловаться над городом, а себе на обратную дорогу до города выдать опас — документ, обеспечивающий безопасный проезд мимо неприятельского войска²¹⁰ (дорога из Поозерья в Новгород шла в непосредственной близости от указанного нами ниже места расположения великокняжеских войск под городскими внешними укреплениями). При этом новгородские послы со своей стороны приняли требования великого князя о ликвидации Новгородской республики, которые были высказаны им за неделю до этого. Иван III опасу не дал, но против упразднения веча и посадничества, разумеется, не стал возражать. Не исключено, что попытка штурма города была затеяна для того, чтобы побудить новгородцев быстрее согласиться с московскими требованиями ликвидировать их политические институты. В таком случае, она в некотором отношении не оказалась совершенно бесплодной, несмотря на то, что взять город штурмом не удалось.

Учитывая расположение внешних новгородских укреплений и окрестный ландшафт, есть основание утверждать, что войска Ивана III должны были подойти к стене в районе Воскресенской слободы,

в район южной оконечности вала окольного города Софийской стороны. На льду Волхова они встать не могли, ведь он всегда плохо замерзает, а в тот год и вовсе почти не стал. Следовательно, они должны были расположиться возле того места, где возле р. Волхова заканчивается вал окольного города и его продолжает переброшенная через реку на судах стена. А указанный мною участок является для артиллерийского штурма наиболее уязвимым. Ведь там ближайшая к реке башня окольного города располагалась от берега на относительно большом расстоянии, да и сам вал обрывался сравнительно далеко от нее, в нескольких сотнях метров, в том же самом месте, где и теперь. Это было во многом обусловлено характером прибрежной местности, представлявшей здесь пойму, которая была разделена впадавшими в Волхов и связанными с оз. Мячино протоками.

Соответственно для того, чтобы закрыть подходы в город и связать оба полукружия Окольного города наплавной стеной, построенной над Волховом на судах, новгородцы должны были значительную часть стены до реки вести через эту пойму, через протоки и по островкам. Здесь она была однозначно менее мощной, нежели земляной вал, и великокняжеские полки, надо полагать, встали рядом с ней близ реки, на пойменных островках, в непосредственной близости от ее наплавной части. Это место было наиболее выгодным для них — ведь они стояли в относительном отдалении от крайней башни старинного Окольного города, на которой можно было разместить несколько пушек. А обрушив новую стену в ее самой слабой части — над протокой, или наплавной участок над Волховом, у самого берега, войска Ивана III получили бы возможность сравнительно легко ворваться в город по береговой кромке через образовавшуюся дыру. В этой связи понятно, почему псковский хронист особо подчеркнул присутствие Данияра, ведь его малочисленный маневренный отряд как нельзя лучше подходил для того, чтобы прорваться туда первым и внезапно напасть на новгородских ратников, давая основным силам возможность свободно вторгнуться в город. Другое дело, что в этой пойме войскам все же было трудно расположиться широким фронтом, поэтому в том случае если новгородцы организовали эффективную оборону стены, это должно было привести к многочисленным жертвам в войсках великого князя. В этой связи тот решил брать Новгород осадой,

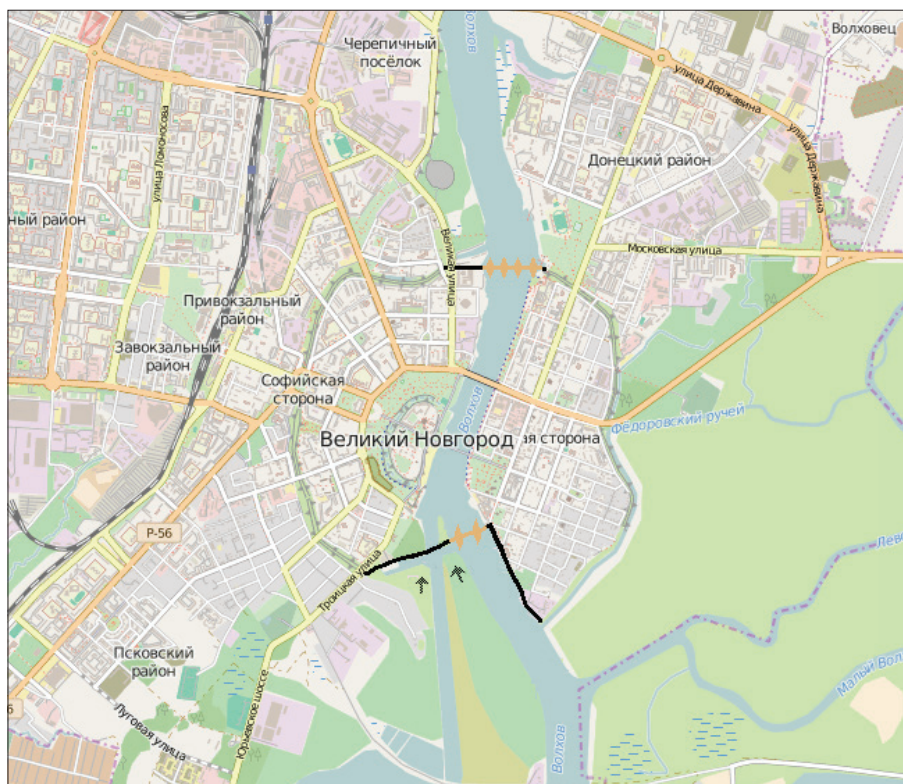

Схема расположения крепостным стен, возведенных новгородцами в 1477 г. через р. Волхов между валами окольного города.

Черными линиями обозначены сухопутные участки, коричневыми — наплавные, построенные над акваторией реки на судах. Стрелочками обозначены приблизительные места расположения великокняжеских войск 14.12.1477 во время попытки штурмовать город²¹²

а не штурмом. После этого, согласно тому же источнику, в Псков были посланы гонцы, чтобы из города прислали провизию для поддержания сил осаждающей стороны²¹¹.

Не ясно, продолжали ли войска Ивана III в последующие дни стоять под стеной города.

Возможно, они вернулись назад в пригородные монастыри. Другое дело, что Новгород оставался в осаде, и новгородские делегаты по-прежнему неуверенно себя чувствовали, проезжая в Троицу в ставку к Ивану III мимо московских войск, и потому просили опаса. Далее великокняжеский летописец на основе походного дневника сообщает

о том, то 28 декабря новгородский служилый князь Василий Васильевич Гребенка Шуйский «*сложил*» свое крестоцелование Новгороду с намерением перейти на московскую службу²¹³. Согласно псковскому летописанию, на принятие этого решения повлияла позиция большинства новгородцев, которые сами к тому времени сознавали неизбежность скорой московской победы и были готовы сдать город²¹⁴. Новгородцам было неоткуда ждать помощи, они терпели в осаде лишения и болезни. А кроме того, готовившийся отъезд Шуйского они явно воспринимали как повод для примирения с Иваном III.

Уже на другой день, 29 декабря, в Троицу прибыли прежние новгородские делегаты с вопросом, почему великий князь до сих пор новгородцев «*не жалует*» и опасной грамоты не дает. При этом послы просили не передавать им великокняжеского ответа через «*высылки*» посредников, а желали лично встретиться с Иваном III. И тот приказал ввести их к себе²¹⁵. Таким образом, не стоит исключать вероятности, что великокняжеские войска — москвичи, псковичи и касимовские татары во главе с Даниевром — продолжали стоять под внешними укреплениями Новгорода. Правда, возможно, они к тому времени вновь разошлись по пригородным монастырям. В любом случае путь новгородских послов в великокняжескую ставку лежал в непосредственной близости от расположения неприятельских войск, а сам Новгород оставался в осаде.

Иван III так и не дал новгородским посланцам опасы. Вместе с тем он намекнул, что готов сохранить за новгородцами некоторые права (суд «*по старине*» разрешать новгородским боярам служить в пределах родной Новгородской земли, не лишая их прежних вотчин и пр.). После этого на следующий день, 30 декабря, Шуйский, просидевший в Новгороде к тому времени 2 дня после сложения крестоцелования, выехал к московскому князю на службу. Видимо теперь, после возвращения новгородских послов он отважился выбраться из Новгорода и проехать к Ивану III мимо великокняжеских войск.

15 января Иван III вступил в Новгород.

Псковская III летопись сообщает что псковичи (у которых была артиллерия) были отосланы из окрестностей Новгорода в субботу 24 января 1478 г.²¹⁶ (т.е. уже даже после того, как Иван III въехал в город и привел к присяге новгородцев). Тверичи (а точнее, надо полагать,

кашинцы с двумя тверскими воеводами), по-видимому, отбыли вместе с Иваном III. Что касается Данияра, то время его возвращения в г. Касимов неизвестно. Можно предположить, что, как и в 1471 г.²¹⁷, он прибыл в Москву с Иваном III, а оттуда поехал к себе в Касимов.

После возвращения из-под Новгорода Данияр фигурирует в актовом материале 1481 г. — духовной грамоте Андрея Меньшого, отдающего Ивану III денежные долги (согласно этому документу, Иван III вместо Андрея вносил его долю в содержание татарского служилого «царевича»), а также договорах Ивана III с удельными князьями, где дословно повторяется их обязанность участвовать в оплате содержания касимовских царевичей.

В начале 1483 г. Каракуча, «князь» царевича Данияра, умер от болезни в Москве. В этом был обвинен лечивший его иноземный лекарь Антон и отдан Иваном III на расправу сыну покойного. При этом великий князь настоял на том, чтобы сын Каракучи убил врача. А тот зарезал Антона ножом под мостом на льду Москвы-реки.

В последний раз Данияр упоминается 9 июля 1483 г. в договоре Ивана III с рязанским князем. Там, как было сказано выше, напоминалось об обязанности рязанских князей еще со времен Касима выделять средства для содержания касимовских царевичей — Касима, Данияра, а также тех, кто будет на их месте. При этом Иван III запрещал Ивану Рязанскому иметь какие-либо сношения с Данияром. И тех ясачных людей Данияра, платящих дань касимовским царевичам, — «бесермен», мордвинов, «мачяринов», которые покинули Мещеру после смерти князя Ивана Федоровича Рязанского и поселились в Рязанщине, его внук Иван Васильевич вместе со своими боярами не имел права использовать в качестве зависимого населения. В то же время гнать их из своего Рязанского княжества насильно он тоже не должен был, если те хотели остаться. Им в этом случае надо было платить ясак Данияру и последующим касимовским царевичам по «силе» — столько, сколько могут²¹⁸.

Из этого можно сделать вывод, что Данияр правил не только в городе, ему дань платили окрестные мещерские жители. И он был склонен их облагать чрезмерными налогами, от которых они стремились избавиться, ввиду чего московский князь велел тем из них, кто не хочет возвращаться в Мещеру, сделать некоторые послабления, разрешая платить им ясак по мере их финансовых возможностей. По мнению

Б. Р. Рахимзянова, запрет Ивана III рязанскому князю общаться и заключать договора с Даниейром говорит о признании в Москве касимовского царевича самостоятельной «силой», к которой московский государь относился с недоверием²¹⁹. Но это логичнее трактовать как требование не переманивать московского вассала. Великий московский князь мог давать понять великому князю рязанскому, что его соучастие в содержании московского служилого царевича не давало ему на того никаких прав; а поскольку рязанский князь должен был еще оставлять жить в своем княжестве беглых мещерских податных людей и собирать с них налоги в пользу Даниейра по мере их возможности, то у московского государя были все основания прописать рязанскому князю запрет на сношения с касимовским царевичем²²⁰.

В 1486 г. в Касимове уже сидел другой служилый царевич — Нур-Давлет.

Ссылки

- 1 Беляков А. В. Чингисиды в России XV–XVII веков: Просопографическое исследование. — Рязань, 2011. — С. 53.
- 2 Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. 2-е изд. — СПб., 1863. — Т. I. (С четырьмя таблицами). — С. 1–71.
- 3 Шишкин Н. И. История города Касимова с Древнейших времен. — Касимов, 1889. — С. 4–10.
- 4 Бахтин А. Г. Образование Касимовского и Казанского ханств. — Йошкар-Ола, 2008. — С. 157–178.
- Рахимзянов Б. Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. — Казань, 2009. — С. 46–110.
- 5 Беляков А. В. Чингисиды в России XV–XVII веков: Просопографическое исследование. — Рязань, 2011. — С. 52–53, 180–181.
- 6 Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle / Publiés par N. Jorga. — Paris, 1899. — Т. I. — P. 35–36.
- 7 Об этом см: Аксанов А. В. Рецензия на книгу Б. Р. Рахимзянова: «Москва и татарский мир: сотрудничество и противостояние в эпоху перемен, XV–XVI вв.» // Средневековые Тюркско-Татарские государства. — 2017. — № 9. — С. 193.
- 8 Беспалов Р. А. Новосильско-Одоевское княжество и Орда в контексте международных отношений в Восточной Европе XIV — начала XVI веков // Средневековая Русь. — 2014. — Вып. № 11. — С. 300–301.
- 9 Казанская история. — М.; Л., 1954. — С. 53.
- 10 Шишкин Н. И. История города Касимова с Древнейших времен. — Касимов, 1889. — С. 4.

- 11 Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. — Саранск, 1960. — С. 256.
12 Полное собрание русских летописей (далее — ПСРА). — М., 2000. — Т. 3. — С. 425.

См. также, напр: Зимин. А. А. Витязь на Распутье. — М., 1991. — С. 114.

Бахтин А. Г. Образование Касимовского и Казанского ханств. — Йошкар-Ола, 2008. — С. 163.

13 Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Zmodska i wszystkiej Rusi. — Warszawa, 1846. — Vol. 2. — P. 210; ПСРА. — Л., 1975. — Т. 40. — С. 86.

14 Бахтин А. Г. Образование Касимовского и Казанского ханств. — Йошкар-Ола, 2008. — С. 163.

15 В историографии высказывались разные точки зрения о том, стал ли Улу-Мухаммед казанским ханом или же основателем ханства следует считать его сына Махмуда (Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о Касимовских царях и царевичах. — СПб., 1863. — Ч. 1. — С. 5–11).

Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. — Казань, 1923. — С. 17–20.

Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. — Саранск, 1960. — С. 244–249.

Бахтин А. Г. Образование Казанского и Касимовского ханств. — Йошкар-Ола, 2008. — С. 96–129.

Почекаев Р. Ю. Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. — СПб., 2010. — С. 206–211.

Обе эти точки зрения опираются на сообщения памятников русского летописания XVI столетия. Во всяком случае, следует признать, что Улу-Мухаммед, будучи вытесненным в конце 1430-х гг. на север, не встретил в Среднем Поволжье серьезной конкуренции, но до самой своей смерти (или ухода с политической сцены в конце 1445 г.) основное время тратил на подготовку и осуществление грабительских набегов на сопредельные земли (Несин М. А. Борьба русских войск с татарами Улу-Мухаммеда в Нижегородском крае в 1444/1445 гг. // Материалы IV научной конференции «Нижегородский край в истории России памяти профессора Н. Ф. Филатова. — Н. Новгород, 2014 — С. 115).

16 Зимин. А. А. Витязь на Распутье. — М., 1991. — С. 101.

17 ПСРА. — СПб., 1910. — Т. 23. — С. 151.

18 Несин М. А. Борьба русских войск с татарами Улу-Мухаммеда

в Нижегородском крае в 1444/1445 гг. // Материалы IV научной конференции «Нижегородский край в истории России памяти профессора Н. Ф. Филатова — Н. Новгород, 2014. — С. 120.

¹⁹ Беляков А. В. Чингисиды в России XV–XVII веков: Просопографическое исследование. — Рязань, 2011. — С. 52.

²⁰ ПСРЛ. — СПб., 1910. — Т. 23. — С. 153.

²¹ ПСРЛ. — М.; Л., 1959. — Т. 26. — С. 206.

ПСРЛ. — М., Л., 1962. — Т. 26. — С. 114.

²² ПСРЛ. — СПб., 1863. — Т. 15. — Стб. 492.

²³ ПСРЛ. — М.; Л., 1959. — Т. 26. — С. 199.

²⁴ Псковские летописи. — М.; Л., 1941 — Вып. № 1. — С. 47.

Псковские летописи. — М., 1955. — Вып. № 2. — С. 75.

²⁵ Ныне о данном договоре с Улу-Мухаммедом пишет Б. Р. Рахимзянов (Рахимзянов Б. Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. — Казань, 2008. — С. 46–47, в основном, повторяя тезисы М. Г. Худякова. Однако никаких данных о договоре нет. Впрочем, мнения о принятии Василием II этих татар на службу придерживаются даже исследователи, не склонные относить создание Касимовского ханства к пожеланиям Улу-Мухаммеда или считать данное образование на первых порах независимым от Москвы государством. (Павлов Н. П. Татарские отряды на русской службе в период завершения объединения Руси // Учёные записки Красноярского государственного педагогического института. — 1957. — Т. IX. — Вып. 1. — С. 167–168; Бахтин А. Г. Образование Касимовского и Казанского ханств. — Йошкар-Ола, 2008. — С. 159).

²⁶ Р. А. Беспалов допускает, что Махмуд и в 1447 г. не всеми воспринимался в качестве полноправного правителя Казани. Об этом, по его мнению, говорит тот факт, что в послании иерархов Шемяке в 1447 г. он назван «царевичем» (Беспалов Р. А. Хан Улу-Мухаммед и государства Восточной Европы: от Белёва до Казани (1437–1445) // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. — Казань, 2012. — Вып. № 5. — С. 64). Однако, так он именуется и в новгородской летописи под 1456 г. (ПСРЛ — СПб., 1889. — Т. 16. — Стб. 194). Видимо, некоторые летописцы XV в. называли казанских ханов «царями», но некоторые признавали таковыми лишь правителей Большой Орды, а ханов новых государственных образований именовали «царевичами».

27 ПСРА.— СПб., 1910.— Т. 23.— С. 153.

ПСРА.— М.; Л., 1959.— Т. 26.— С. 199.

Несин М. А. Борьба русских войск с татарами Улу-Мухаммеда в Нижегородском крае в 1444/1445 гг. // Материалы IV научной конференции «Нижегородский край в истории России памяти профессора Н. Ф. Филатова — Н. Новгород, 2014.— С. 125.

28 Павлов Н. П. Татарские отряды на русской службе в период завершения объединения Руси // Учёные записки Красноярского государственного педагогического института.— 1957.— Т. IX.— Вып. 1.— С. 168.

29 ПСРА.— М., 2000.— Т. 4.— Ч. 1.— С. 444.

30 Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею.— СПб., 1841.— Т. 1. (1398–1504).— № 40.— С. 79.

31 ПСРА.— М.; Л., 1959.— Т. 26.— С. 207.

ПСРА.— М.; Л., 1962.— Т. 26.— С. 114.

32 Бахтин А. Г. Образование Касимовского и Казанского ханств.— Йошкар-Ола, 2008.— С. 164.

Интересно отметить, что в текущем 2018 г. вышла статья Л. В. Воротынцева, посвященная проблема локализации Черкас. Автор пришел к выводу, что речь идет о днепровских Черкасах (Воротынцев Л. В. «Люди из черкас»: «ордынские казаки» и «служилые татары» лесостепного пограничья (конец XIV–XV вв.) // Золотоордынское обозрение.— 2018.— Вып. № 1.— С. 107–122. Ныне О. В. Комаров составил интересный отзыв об этой статье (Живой журнал О. В. Комарова <<https://oleggg888.livejournal.com/25896.html#t645928>>) и высказал иные соображения о локализации летописных Черкас в 1445 и 1446 гг. Как известно, в средневековье такое название носил как город на Днепре (нын. Черкаси, Украина), так и область проживания адыгов. Л. В. Воротынцев считает, что речь идет о днепровском городе, входящем в сферу влияния ВКЛ и орды Сеид-Ахмеда. О. В. Комаров, напротив, отстаивает восточную версию.

Он блестяще вскрыл слабые стороны в аргументации елецкого исследователя. Но его собственную версию о локализации тех Черкас в Предкавказье и Придонье тоже трудно надежно обосновать. В источниках нет твердых свидетельств о распространении летописных Черкас до Дона. А тот набег черкесов, который автор упоминает, скорее работает в пользу их таманской локализации, так как на Дону

они вторглись в чужие земли. Если следовать тому, что есть в источниках, то у нас нет данных, что черкесы — это что-то ещё, кроме мест регулярного обитания адыгов, то есть северный Кавказ и Предкавказье. А там пересекались не только интересы Заволжской орды Кучук-Мухаммеда, но ещё и крымской Хаджи-Гирея. Причем крымский фактор не учитывают оба оппонента. И потому их спор, где было опаснее в 1445 г. набрать 2000 бойцов, а в 1446 г. — пересидеть несколько месяцев, мне не кажется продуктивным. В днепровских Черкасах можно было разгневать хана Сеид-Ахмеда и короля Казимира Ягеллончика, а на Тамани и Северном Кавказе — пострадать от двух татарских орд. Замечу также, что, судя по контексту московского летописания, в 1446 г. царевици следовали на север со стороны днепровских Черкас (см. мои комментарии к посту О.В. Комарова). Район Ельни им был бы не по пути, если бы они следовали со стороны Кавказа даже через Верховские княжества.

³³ Текст см., напр. по изданию: Тихомиров. М. Н. «Список русских городов дальних и ближних» // Исторические записки. — М., 1952. — Т. 40. — С. 223, 229–259.

³⁴ Павлов Н.П. Татарские отряды на русской службе в период завершения объединения Руси // Учёные записки Красноярского государственного педагогического института. — 1957. — Т. IX. — Вып. 1. — С. 168.

³⁵ Зимин А.А. Витязь на Распутье. — М., 1991. — С. 120.

³⁶ Несин М.А. Воевода Федор Васильевич Басенок [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Т. VII. — С. 112–113. <http://www.milhist.info/2015/08/28/nesin_4> (28.08.2015).

³⁷ ПСРА. — СПб., 1851. — Т. 5. — С. 269.

ПСРА. — СПб., 1910. — Т. 23. — С. 154.

ПСРА. — М.; Л., 1959. — Т. 26. — С. 207.

ПСРА. — М.; Л., 1962. — Т. 27. — С. 114.

ПСРА. — Л., 1982. — Т. 37. — С. 82.

³⁸ ПСРА. — М., 2000. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 444.

³⁹ ПСРА. — Л., 1982. — Т. 37. — С. 82.

⁴⁰ ПСРА. — М.; Л., 1959. — Т. 26. — С. 207.

ПСРА. — М.; Л., 1962. — Т. 26. — С. 114.

⁴¹ Зимин А.А. Витязь на Распутье. — М., 1991. — С. 120.

- 42 Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. 2-е изд.— СПб., 1863.— Т. I.— С. 16.
- 43 ПСРА.— М.; Л., 1959.— Т. 26.— С. 207.
ПСРА.— М.; Л., 1962.— Т. 26.— С. 114.
- 44 Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XV и XVI вв.— М.; Л., 1950.— № . 46.— С. 141.
- 45 Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах.— 2-е изд.— СПб., 1863.— Т. I.— С. 19.
- 46 Бахтин А. Г. Образование Касимовского и Казанского ханств.— Йошкар-Ола, 2008.— С. 169–170.
- 47 Там же.
Рахимзянов Б. Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории.— Казань, 2009.— С. 101;
Беляков А. В. Чингисиды в России XV–XVII веков: Просопографическое исследование.— Рязань, 2011.— С. 53.
- 48 ПСРА.— СПб., 1910.— Ч. 1.— С. 268.
- 49 Напр.: Вельяминов-Зернов В. В. I. Касим // Исследование о касимовских царях и царевичах. 2-е изд.— СПб., 1863.— Т. I.— С. 16.
Зимин А. А. Витязь на Распутье.— М., 1991.— С. 120.
- 50 ПСРА.— СПб., 1910.— Т. 23.— С. 153–154.
- 51 ПСРА.— М.; Л., 1959.— Т. 26.— С. 207–208, 210.
ПСРА.— М.; Л., 1962.— Т. 27.— С. 115–116.
- 52 ПСРА.— М., 2000.— Т. 11.— С. 74.
- 53 ПСРА.— СПб., 1851.— Т. 5.— С. 269.
ПСРА.— СПб., 1910.— Т. 23.— С. 154.
ПСРА.— М.; Л., 1959.— Т. 26.— С. 207–208.
ПСРА.— М.; Л., 1962.— Т. 27.— С. 115.
- 54 ПСРА.— М.; Л., 1959.— Т. 26.— С. 208.
ПСРА.— М.; Л., 1962.— Т. 27.— С. 115.
- 55 Там же.
- 56 Зимин А. А. Витязь на распутье.— М., 1991.— С. 120.
Бахтин А. Г. Образование Касимовского и Казанского ханств.— Йошкар-Ола, 2008.— С. 169–170.
- 57 Бахтин А. Г. Образование Касимовского и Казанского ханств.— Йошкар-Ола, 2008.— С. 169–170.
- 58 ПСРА.— СПб., 1851.— Т. 5.— С. 270.

59 ПСРЛ.— М.; Л., 1959.— Т. 26.— С. 208.

ПСРЛ.— М.; Л., 1962.— Т. 27.— С. 115.

60 ПСРЛ.— СПб., 1910.— Т. 23.— С. 155, 159.

61 Напр: Рахимзянов Б. Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории.— Казань, 2009.— С. 101.

62 Татищев В. Н. Собр. соч.: в 8 т.— М., 1996.— Т. V.-VI. История Российская.— С. 268.

63 Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды.— Саранск, 1960.— С. 256–257.

Ныне это мнение без ссылки на предшественника приводит Ю. В. Сарафгалиев (Сарафгалиев Ю. В. Эволюция статуса Касимовского ханства // Вестник Чувашского университета.— 2008.— № 4.— Сер. 03.— С. 120).

64 Зимин А. А. Витязь на распутье — М., 1992.— С. 122.

65 Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XV и XVI вв.— М.; Л., 1950.— № 52.— С. 158.

66 Рахимзянов Б. Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории.— Казань, 2009.— С. 49.

67 Янин В. Л. «Черный бор» в Новгороде XIV–XV вв. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины.— М. 1983.— С. 98–107/

Как отметил А. А. Горский, Василий II, отец Ивана III, за единственным исключением, вынужден был писать в договорах с удельными князьями, что, «коли Бог переменит в Орде» и ему не придется платить очередной «выход», то тогда он не станет ничего взыскивать и с удельного князя. И лишь Иван III, которому было суждено окончательно свергнуть иго, в первые же годы своего княжения решительно переменил тон и писал, как лишь единожды отважился сформулировать его покойный родитель, что если он сам не пошлет в Орду дани, то и «у тебе не взяти» (Горский А. А. Москва и Орда.— М., 2003.— С. 154).

68 Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XV и XVI вв.— М.; Л., 1950.— № 76 А-Б.— С. 284, 287–288.

69 Рахимзянов Б. Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории.— Казань, 2009.— С. 49, 115–118.

70 Бахтин А. Г. Образование Касимовского и Казанского ханств.— Йошкар-Ола, 2008.— С. 172–178.

⁷¹ Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. — Саранск, 1960. — С. 257.

Сарафгалиев Ю. В. Эволюция статуса Касимовского ханства // Вестник Чувашского университета. — 2008. — № 4. — Сер. 03. — С. 120.

⁷² Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XV и XVI вв. — М.; Л., 1950. — № 61. — С. 196.

⁷³ Там же. — № 90. — С. 368.

Несин М. А. Статус Касимовских Чингисидов при Иване III и Василии III по данным письменных источников // Золотоордынское обозрение. — 2017. — № 5 — С. 403–404.

⁷⁴ Рахимзянов Б. Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. — Казань, 2009. — С. 106–111.

⁷⁵ Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. — СПб., 2009. — С. 38–44.

⁷⁶ Ныне это известие великокняжеского летописания с позиции герменевтики пытаются иначе интерпретировать А. В. Аксанов и С. С. Пашин. По их словам, «лесть» казанских аристократов не надо понимать буквально. «В сознании средневековых знатоков Библии нравственная характеристика «лесть» имела более глубокое значение. В. Н. Рудаков считает, «что такие качества, как лъстивость, использование лести..., должны были порождать у читателя достаточно четкие ассоциации с примерами нечестивого поведения вообще... Говоря о летописном Авдул-Мамоне, следует отметить, что слово «мамон», скорее всего, не имеет никакого отношения к имени казанского вельможи, а является эпитетом, характеризующим личность Авдула. В Евангелиях от Матфея и от Луки термин «мамон» упоминается в значении «неправедное богатство»: нельзя одновременно «служить Богу и мамоне, ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом не радеть». То есть, по мысли летописца, Авдул имел «неправедное богатство», занимался стяжательством и не служил Богу — был отступником. Таким образом, словосочетание «позван... лостью» и эпитет «мамон» образуют единое смысловое поле, семантика которого заключается в оправдании наступательных действий Москвы». (Аксанов А. В., Пашин С. С. [Рец. на кн.:] Рахимзянов Б. Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. Казань: Татарское книжное издательство, 2009. 207 с. 127 // Rossica Antiqua — 2011 — № 1. — С. 130–131.) Но летописец четко пишет, в чем заключалась лесь Авдула Мамона

и иных казанцев — они призывали Касима на казанский трон, который потом не был ему предоставлен (ПСРЛ.— М.; Л., 1959.— Т. 26.— С. 222; ПСРЛ.— М.; Л., 1962.— Т. 27.— С. 126). И поиск альтернативных скрытых смыслов этого ясного рассказа, на мой взгляд, находится несколько за гранью фантазии.

⁷⁷ ПСРЛ.— М.; Л., 1959.— Т. 26.— С. 222.

ПСРЛ.— М.; Л., 1962.— Т. 27.— С. 126.

⁷⁸ ПСРЛ.— М., 2000.— Т. 24.— С. 183.

⁷⁹ ПСРЛ.— М.; Л., 1959.— Т. 26.— С. 222.

ПСРЛ.— М.; Л., 1962.— Т. 27.— С. 126.

Трудно в этой связи согласиться с А. В. Аксановым и С. С. Пашиным: «симптоматично, что тенденциозность московского летописания отметил и Б. Р. Рахимзянов, точно уловив отличие от более ранних летописей Воскресенской летописи, согласно которой в 1467 г. Касим выступил по приказу Ивана III. То есть официальные летописцы середины XVI в., подгоняя все «под инициативу московских князей и царей»... приписали замысел похода 1467 г. не Касиму, а Ивану III». (Аксанов А. В., Пашин С. С. [Рец. на кн.:] Рахимзянов Б. Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. Казань: Татарское книжное издательство, 2009. 207 с. 127 // *Rossica Antiqua*.— 2011.— № 1.— С. 131). Как мы видим, еще свод 1472 г. отмечает, что Касим, участвуя в этом походе, нес службу великому московскому князю.

⁸⁰ ПСРЛ.— СПб., 1910.— Т. 23.— С. 158.

ПСРЛ.— М.; Л., 1962.— Т. 27.— С. 276, 350.

ПСРЛ.— Л., 1982.— Т. 37.— С. 91.

ПСРЛ.— М., 2000.— Т. Ч.— Ч. 1 — С. 498.

⁸¹ Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. — СПб., 2009.— С. 41).

⁸² ПСРЛ.— М.; Л., 1959.— Т. 26.— С. 222.

ПСРЛ.— М.; Л., 1962.— Т. 27.— С. 126.

⁸³ ПСРЛ.— СПб., 1853.— Т. 6.— С. 187.

⁸⁴ ПСРЛ.— М., 2000.— Т. 24.— С. 183.

⁸⁵ Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. — СПб., 2009.— С. 39.

⁸⁶ ПСРЛ.— Л., 1982.— Т. 37.— С. 91.

⁸⁷ ПСРЛ.— М., 2000.— Т. 24.— С. 183.

Ю. Г. Алексеев считал, что сообщение Устюжского свода и Типографской летописи противоречат друг другу, ибо р. Свияга впадает в Волгу против Казани, а Звеничев бор находился за 40 км от города. (Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. — СПб., 2009. — С. 40). На самом деле устье Свияги примерно на 30 км выше исторического центра Казани.

88 ПСРА. — М.; Л., 1959. — Т. 26. — С. 223.

ПСРА. — М.; Л., 1962. — Т. 27. — С. 126.

89 ПСРА. — СПб., 1910. — Т. 23. — С. 158.

ПСРА. — М.; Л., 1959. — Т. 26. — С. 223.

ПСРА. — М.; Л., 1962. — Т. 27. — С. 126.

90 ПСРА. — М., 2000. — Т. 24. — С. 183.

91 ПСРА. — М.; Л., 1962. — Т. 27. — С. 276, 350.

ПСРА. — Л., 1982. — Т. 37. — С. 46, 91.

92 ПСРА. — М.; Л., 1962. — Т. 27. — С. 276, 350.

ПСРА. — Л., 1982. — Т. 37. — С. 91.

93 ПСРА. — М.; Л., 1959. — Т. 26. — С. 223.

ПСРА. — М.; Л., 1962. — Т. 27. — С. 126.

94 ПСРА. — М., 2000. — Т. 24. — С. 183.

95 ПСРА. — М.; Л., 1959. — Т. 26. — С. 223.

ПСРА. — М.; Л., 1962. — Т. 27. — С. 126.

96 Несин М. А. Из истории логистики русских войск в XV — начале XVI в. (Отзыв на работу В. В. Пенского «...И запас пасли на всю зиму до весны»: логистика в войнах Русского государства эпохи позднего Средневековья — раннего Нового времени») [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2016. — Т. VIII. — С. 152–154. <http://www.milhist.info/2016/04/27/nesin_7> (27.04.2016). Эта практика имела древние традиции (Моисеев Д. А. Снабжение продовольствием — «зажитье» (XII в.), «по корм» (XIII в.), «волость труще» (XIV в.) [электронный ресурс] <<http://www.imha.ru/1144536804-snabzhenie-prodovolstviem-russkoy-armii.html>> (24.07.2012).

97 Бахтин А. Г. Образование Касимовского и Казанского ханств. — Йошкар-Ола, 2008. — С. 157.

98 ПРСЛ. — М.; Л., 1959. — Т. 26. — С. 250.

ПРСЛ. — М., 2004. — Т. 25. — С. 298.

ПРСЛ. — М., 2007. — Т. 18. — С. 242.

⁹⁹ Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. 2-е изд. — СПб., 1863. — Т. I. — С. 67.

Рахимзянов Б. Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. — Казань, 2009. — С. 110–111.

¹⁰⁰ ПСРА. — СПб., 1863. — Т. 15. — Стб. 497.

¹⁰¹ Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. 2-е изд. — СПб., 1863. — Т. I. — С. 74–90.

Шишкин Н. И. История города Касимова с Древнейших времен. — Касимов, 1889. — С. 10–12.

Рахимзянов Б. Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. — Казань, 2009. — С. 111–117.

¹⁰² Беляков А. В. Чингисиды в России XV–XVII веков: Просопографическое исследование. — Рязань, 2011. — С. 181–182.

¹⁰³ Даже Ю. Г. Алексеев, посвятивший данной кампании специальную статью и отдельные очерки в монографиях, особо отмечал присутствие татар в колонне И. В. Стриги Оболенского. Сообщая о выходе Ивана III из Москвы, ученый в некоторых трудах цитировал также слова великокняжеского хрониста о присутствии в его войске Данияра, но никак не пояснял этого, больше придавая значению факту личного участия Ивана III в этой кампании и скорости передвижения его колонны от Москвы до Волоколамска — по 25 км в день. (Алексеев Ю. Г. Победа на Шелони // Неисчерпаемость источника: К 70-летию В. А. Кучкина — М., 2005. — С. 280, 293; Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. — СПб., 2009. — С. 104, 119). В очерке, посвященном данной кампании, в монографии о присоединении Новгорода к Москве ученый и вовсе не приводил летописной цитаты о выступлении Данияра из Москвы, сообщая лишь о его «отряде», следовавшем в колонне Стриги Оболенского (Алексеев Ю. Г. «К Москве хотим!» Закат боярской республики в Новгороде. — Л., 1991. — С. 38). В опубликованной книге об образовании единого московского государства, в главе, посвященной московскому походу на Новгородскую землю, исследователь упомянул о выступлении с Иваном III из Москвы некоего «отряда» Данияра. Но о местонахождении самого царевича не писал, а так же, как и в вышеперечисленных трудах отметил присутствие татар в колонне Стриги Оболенского (Алексеев Ю. Г. Под знаменами Москвы: борьба за единство Руси в XV в. — М., 1992. — С. 148, 153). По мнению данного

ученого, московские летописные данные о выступлении касимовских татар из Москвы в колонне И. В. Стриги 13 июня опровергают версию новгородского хрониста об их участии месяц спустя 14 июля в Шелонской битве. Однако между этими событиями прошло больше месяца, и у Ивана III было время перевести татар из восточной колонны в западную. Известно, что он отправил в нее из своей центральной колонны дмитровского воеводу Вельяминова, оказавшегося впоследствии на Шелони (ПСРА. — СПб., 1910. — Т. 23. — С. 159; Несин М. А. Шелонская битва 14 июля 1471 г.: к вопросу о тактике московских войск и участии засадной татарской рати [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2014. — Т. IV. — С. 468–469. <<http://www.milhist.info/2014/03/12/nesin>> (12.03.2014)). Более основательным представляется другой вывод ученого, что вопреки новгородскому рассказу, новгородцы не могли отогнать врагов назад через крупную реку, иначе бы это кончилось поражением сравнительно малочисленной служилой конницы Холмского. Но тут речь следует вести не о ее истинном отступлении, а о тактическом маневре (Там же. — С. 473–475).

¹⁰⁴ Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. 2-е изд. — СПб., 1863. — Т. I. — С. 74–76. Прим. № 33.

¹⁰⁵ Рахимзянов Б. Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. — Казань, 2009. — С. 111–112.

¹⁰⁶ Кривошеев Ю. В. Русь и монголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. 3-е изд., испр. и доп. — СПб., 2015. — С. 393.

¹⁰⁷ ПСРА. — М., 2000. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 446.

¹⁰⁸ ПСРА. — СПб., 1910. — Т. 20. — Ч. 1. — С. 282.

ПСРА. — М., 2000. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 507.

¹⁰⁹ Несин М. А. Новгородский тысяцкий Федор Елисеевич — один из воевод зимнего похода на Ржеву 1435/1436 гг.: к истории внешней политики Новгорода в период его нахождения у должности и организации новгородского войска в XV в. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Т. VII. — С. 312, 323. Прим. № 84. <http://www.milhist.info/2015/12/21/nesin_6> (21.12.2015).

¹¹⁰ ПСРА. — М., 2000. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 506.

¹¹¹ Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. 2-е изд. — СПб., 1863. — Т. I. — С. 91–93. Прим. № 43.

¹¹² ПСРА. — М., 2000. — Т. 24. — С. 189.

¹¹³ ПРСЛ.— М.; Л., 1959.— Т. 26.— С. 234–235.

ПСРЛ.— М.; Л., 1962.— Т. 27.— С. 131.

¹¹⁴ Несин М. А. Шелонская битва 14 июля 1471 г.: к вопросу о тактике московских войск и участии засадной татарской рати [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2014. — Т. IV. — С. 464–482. <<http://www.milhist.info/2014/03/12/nesin>> (12.03.2014).

¹¹⁵ ПРСЛ.— М.; Л., 1959.— Т. 26.— С. 234–235.

ПСРЛ.— М.; Л., 1962.— Т. 27.— С. 131.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ ПРСЛ.— М.; Л., 1959.— Т. 26.— С. 238.

ПСРЛ.— М.; Л., 1962.— Т. 27.— С. 134.

¹¹⁸ ПСРЛ.— М., 2000.— Т. 24.— С. 192.

¹¹⁹ Кривошеев Ю. В. Татары и Шелонская битва 1471 года // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. — СПб., 2006. — Т. 2. — С. 205.

¹²⁰ ПРСЛ.— М.; Л., 1959.— Т. 26.— С. 238.

ПСРЛ.— М.; Л., 1962.— Т. 27.— С. 134.

¹²¹ ПРСЛ.— М.; Л., 1959.— Т. 26.— С. 23.

ПСРЛ.— М.; Л., 1962.— Т. 27.— С. 131.

¹²² ПСРЛ.— М., 2000.— Т. 4.— Ч. 1.— С. 507.

¹²³ ПСРЛ.— СПб., 1910.— Т. 23.— С. 161.

¹²⁴ ПСРЛ.— М., 2000.— Т. 24.— С. 189.

¹²⁵ Псковские летописи. — М., 1955. — Вып. № 2. — С. 182.

Ныне А. М. Иванов скептически отнесся к сведениям псковской III летописи о том, что москвичи перед тем, как напасть на новгородцев, бросились в р. Дрянь. По его мнению, это похоже на позднейшую вставку или ошибку в относительно позднем источнике. Исследователь справедливо отметил, что сообщение летописца кажется несколько противоречивым — только что оба войска двигались по разным сторонам р. Шелонь, а потом москвичи бросились в р. Дрянь, переправились вброд через нее же, но при этом почему-то сразу оказались на другой стороне р. Шелонь, где и начался бой. Поэтому ему кажется предпочтительнее версия Псковской II летописи, где никакой р. Дрянь нет, а фигурирует лишь Шелонь. (Иванов А. М. Поиски места Шелонской битвы (2008–2012 годы) // Новгород и Новгородская Земля: история и археология: материалы научной конференции,

посвящённой 100-летию со дня рождения Б. А. Колчина, Великий Новгород, 28–30 января, 2014 г. — В. Новгород 2014. — Вып. № 28. — С. 323).

Вместе с тем псковские летописания никогда не давали никаким новгородским и другим иноземным топонимам нарочито уничижительных прозвищ. Надо думать, что какая-то речка с подобным названием действительно существовала в Новгородской области. Кажущаяся нелогичность рассказа Псковской III летописи легко объясняется следующим обстоятельством. Если исходить из наиболее вероятной версии, что р. Дрянь — это ручей Тополевик в нын. деревне Скирино, то стоит учесть, что этот ручей впадает в Шелонь под углом. И стоя лагерем напротив его устья, московские воеводы могли подумать, что если переправиться через Шелонь прямо к новгородскому лагерю, то на конях можно утонуть, так как против устья притоков речное дно всегда несколько углубляется. А так как в тех местах не было брода и некоторые москвичи на переправе через Шелонь и без того «ополвоша», то эта предосторожность была отнюдь не лишней. И поэтому они пошли обходным путем: сперва переправились на конях через Шелонь, а потом — через р. Дрянь. Другое дело, что такой способ переправы был тоже не лишен своих недостатков — московские воины оказывались под обстрелом у новгородцев, как те, кто пересекал Тополевик, так и те, кто еще только перебирался через Шелонь. Последних новгородским ополченцам и вовсе было удобно обстреливать сбоку. В этой связи не удивительно, что крюк, связанный с переправой через р. Дрянь, мог запомниться современникам даже больше, чем просто само по себе форсирование Шелони.

¹²⁶ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 4. — Ч. 1 — С. 446.

¹²⁷ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 24. — С. 193.

¹²⁸ ПРСЛ. — М.; Л., 1959. — Т. 26. — С. 250.

¹²⁹ ПРСЛ. — М.; Л., 1959. — Т. 26. — С. 250.

¹³⁰ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 24. — С. 193.

¹³¹ ПСРЛ. — СПб., 1910. — Т. 23. — С. 161.

¹³² ПРСЛ. — М.; Л., 1959. — Т. 26. — С. 250.

¹³³ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 24. — С. 193.

¹³⁴ Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV–XV вв. — Л., 1986. — С. 178.

Алексеев Ю. Г. Освобождение Руси от ордынского ига. — М., 1980. — С. 68.

Алексеев Ю.Г. Кампания 1472 года. Победа на Оке // Вестник СПбГУ.— 2005.— Вып. № 1.— С. 12.

Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III.— СПб., 2011.— С. 158.

¹³⁵ По мнению Я. С. Лурье, он восходит к белозерскому своду начала 140-х гг. (Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV–XV вв.— Л., 1986.— С. 178).

¹³⁶ ПСРА.— СПб., 1853.— Т. 6.— С. 195.

ПСРА.— СПб., 1910.— Т. 20.— Ч. 1.— С. 298.

ПСРА.— СПб., 1910.— Т. 23.— С. 161.

ПСРА.— М.; Л., 1962.— Т. 27.— С. 279, 353.

ПСРА.— Л., 1982.— Т. 37.— С. 48, 93).

¹³⁷ ПСРА.— М., 2000.— Т. 24.— С. 193.

¹³⁸ ПСРА.— СПб., 1853.— Т. 6.— С. 195.

ПСРА.— СПб., 1910.— Т. 20.— Ч. 1.— С. 298.

ПСРА.— М.; Л., 1962.— Т. 27.— С. 279, 353.

ПСРА.— Л., 1982.— Т. 37.— С. 48, 93.

¹³⁹ ПСРА.— СПб., 1910.— Т. 23.— С. 161.

¹⁴⁰ У Ю.Г. Алексеева приход свежих русских войск к Алексиному почему-то отнесен уже к 1 числу (Алексеев Ю.Г. Освобождение Руси от ордынского ига.— М., 1980.— С. 73; Алексеев Ю.Г. Кампания 1472 года. Победа на Оке // Вестник СПбГУ.— 2005.— Вып. № 1.— С. 15; Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III.— СПб., 2011.— С. 163). Вероятно, автор допустил опечатку, так как сведения Типографской летописи об отступлении ордынцев в ночь с 31 июля на 1-е августа им сомнению не подвергались. (Алексеев Ю.Г. Освобождение Руси от ордынского ига.— М., 1980.— С. 71; Алексеев Ю.Г. Кампания 1472 года. Победа на Оке // Вестник СПбГУ.— 2005.— Вып. № 1.— С. 13; Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III.— СПб., 2011.— С. 161).

¹⁴¹ ПСРА.— М., 2000.— Т. 24.— С. 193.

¹⁴² ПСРА.— М.; Л., 1959.— Т. 26.— С. 250.

¹⁴³ Напр.: Шишкин Н. И. История города Касимова с Древнейших времен.— Касимов, 1889.— С. 11.

Экземплярский А.В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г.— СПб., 1889.— Т. I. Великие князья Владимирские и Владимиро-Московские.— С. 206–207.

Алексеев Ю.Г. Освобождение Руси от ордынского ига.— М., 1980.— С. 71.

Алексеев Ю.Г. Кампания 1472 года. Победа на Оке // Вестник СПбГУ.— 2005.— Вып. № 1.— С. 12.

Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III.— СПб., 2011.— С. 157.

¹⁴⁴ Алексеев Ю.Г. Освобождение Руси от ордынского ига.— М., 1980.— С. 64–77.

Алексеев Ю.Г. Кампания 1472 года. Победа на Оке // Вестник СПбГУ.— 2005.— Вып. № 1.— С. 3–12.

Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III.— СПб., 2011.— С. 146–181.

¹⁴⁵ ПСРА.— М., 2000.— Т. 23.— С. 161.

Ю.Г. Алексеев отмечал наличие в летописях расхождений, где стоял Андрей Большой–Углицкий — в Серпухове или в Тарусе (Алексеев Ю.Г. Кампания 1472 года. Победа на Оке // Вестник СПбГУ.— 2005.— Вып. № 1.— С. 12; Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III.— СПб., 2011.— С. 158). Ели принять первую версию, то самым верхним по течению Оки и западным городом в этом списке оказывается Серпухов. Таруса фигурирует в Ермолинской летописи в рассказе служилых татар. Там в ней помимо Андрея Большого значится и Андрей Меньшой, в других источниках в качестве участника данной кампании не упомянутый (ПСРА.— М., 2000.— Т. 23.— С. 161). Ю.Г. Алексеев справедливо полагал, что Андрей Большой, скорее всего, все же был в Серпухове (Алексеев Ю.Г. Кампания 1472 года. Победа на Оке // Вестник СПбГУ.— 2005.— Вып. № 1.— С. 12; Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III.— СПб., 2011.— С. 158). Вместе с тем, эти обе версии не так уж противоречат друг другу. Типографская летопись поясняет, что Андрей Большой стоял вверх по Оке от Серпухова (ПСРА.— М., 2000.— Т. 24.— С. 193). Он охранял таким образом не только сам Серпухов, но и его прибрежные окрестности в сторону Тарусы. А поскольку оба левобережных окских города — Таруса и Серпухов — расположены достаточно близко друг к другу, братья в известной степени действительно стояли вместе, так как их войска находились в непосредственном соседстве. Андрей Большой занимал Серпухов и его округу вверх по реке, а Меньшой — Тарусу. И сведения

летописей дополняют друг друга. Другое дело, что роль Андрея Меньшого была, видимо, более скромной. Поэтому он вообще нигде кроме известия Ермолинской летописи не упомянут. Не исключено, что Тарусу он получил в удел в тот же год после смерти Юрия Дмитровского от Ивана III в качестве награды за эту службу.

¹⁴⁶ ПСРА.— М., 2000.— Т. 23.— С. 161.

¹⁴⁷ ПСРА.— СПб., 1910.— Т. 23.— С. 160.

ПСРА.— СПб., 1853.— Т. 6.— С. 195.

ПСРА.— СПб., 1910.— Т. 20.— Ч. 1.— С. 288.

ПСРА.— М.; Л., 1962.— Т. 27.— С. 279, 353.

ПСРА.— Л., 1982.— Т. 37.— С. 48, 93.

¹⁴⁸ ПСРА.— М.; Л., 1959.— Т. 26.— С. 250.

ПСРА.— М., 2000.— Т. 24.— С. 193.

¹⁴⁹ ПСРА.— СПб., 1910.— Т. 23.— С. 160.

ПСРА.— М.; Л., 1962.— Т. 27.— С. 279, 353.

ПСРА.— Л., 1982.— Т. 37.— С. 48, 93.

¹⁵⁰ ПСРА.— СПб., 1853.— Т. 6.— С. 195.

ПСРА.— СПб., 1910.— Т. 20.— Ч. 1.— С. 288.

¹⁵¹ ПСРА.— СПб., 1910.— Т. 23.— С. 161.

ПСРА.— М.; Л., 1959.— Т. 26.— С. 250.

¹⁵² ПСРА.— СПб., 1853.— Т. 6.— С. 195.

ПСРА.— СПб., 1910.— Т. 20.— Ч. 1.— С. 288.

ПСРА.— М.; Л., 1962.— Т. 27.— С. 279, 353.

ПСРА.— Л., 1982.— Т. 37.— С. 48, 93.

¹⁵³ ПСРА.— М.; Л., 1959.— Т. 26.— С. 250.

Впрочем, С.М. Соловьев не считал это главной причиной отступления. А.А. Горский отмечал, что по летописным данным она была причиной не ухода татар, а более быстрого их движения прочь от московских границ (Соловьев С.М. История России с Древнейших времен.— М., 1960.— Кн. III.— С. 6; Горский А.А. Москва и Орда.— М., 2003.— С. 157). Однако об этой язве стало хорошо известно в русском войске, надо полагать, еще до отступления Ахмата. Ведь эти сведения не относились к тем, что принесли посланные Иваном III вслед уходящим ордынцам полки. И быть может именно из-за мора в татарском войске никто не поспешил его преследовать за Оку до приказа Ивана III идти вслед и брать отстающих татар в полон.

¹⁵⁴ Несин М. А. К вопросу о причине отступления татарского войска после стояния на Угре [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480. — 2015. — Ч. I. — С. 120. <http://www.milhist.info/2015/10/23/nesin_5> (23.10.2015).

¹⁵⁵ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 24. — С. 193.

¹⁵⁶ ПСРЛ. — СПб., 1910. — Т. 23. — С. 161.

По другим данным Муртоза стоял с Андреем Большим в Серпухове. (ПСРЛ. — СПб., 1853. — Т. 6. — С. 195.; ПСРЛ. — СПб., 1910. — Т. 20. — Ч. 1. — С. 298; ПСРЛ. — М.; Л., 1962. — Т. 27. — С. 279, 353; ПСРЛ. — Л., 1982. — Т. 37. — С. 48, 93). Но как мы видели выше, силы братьев находились по соседству, так как войска Андрея Большого стояли на страже границы между Серпуховым и Тарусой, вверх по Оке.

¹⁵⁷ ПСРЛ. — СПб., 1853. — Т. 6. — С. 195.

ПСРЛ. — СПб., 1910. — Т. 20. — Ч. 1. — С. 298.

ПСРЛ. — СПб., 1910. — Т. 23. — С. 160.

ПСРЛ. — М.; Л., 1962. — Т. 27. — С. 279, 353.

ПСРЛ. — Л., 1982. — Т. 37. — С. 48, 93.

ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 24. — С. 193.

Нахождение Муртозы в отряде у Меньшого в Тарусе более вероятно, ведь Иван III в 1471 г. передал этого царевича тому на службу (Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. 2-е изд. — СПб., 1863. — Т. I. — С. 81–83). И лишь в декабре 1473 г. Муртоза перейдет служить великому князю.

¹⁵⁸ Великокняжеская летопись пишет, что 30 июля он из Москвы пошел в Коломну, но затем, узнав, что ордынцы ушли в степи на зимовку, вновь в нее вернулся (ПРСЛ. — М.; Л., 1959. — Т. 26. — С. 250). Значит, он был где-то еще кроме нее. Псковский хронист, как видно по свидетельству псковских послов, ездивших в то время в Московскую землю, сообщает, что тот был не то в Коломне, не то «у Коломны» (Псковские летописи. — Л., 1955. — Вып. № 2. — С. 188). А Ростиславль находился очень недалеко от нее. Но этот городок был, надо полагать, хуже известен псковичам, чем Коломна и воспринимался как ее округа, несмотря на то, что, в отличие от нее, относился к территории сопредельного Рязанского княжества.

¹⁵⁹ ПРСЛ. — М.; Л., 1959. — Т. 26. — С. 250.

¹⁶⁰ Там же.

¹⁶¹ Там же.

¹⁶² Там же.

¹⁶³ О скорости передвижения конных войск в сутки на Руси в XV в. см: Несин М. А. Из истории логистики русских войск в XV — начале XVI в. (Отзыв на работу В. В. Пенского «...И запас пали на всю зиму до весны»: логистика в войнах Русского государства эпохи позднего Средневековья — раннего Нового времени») [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2016. — Т. VIII. — С. 134–166. <http://www.milhist.info/2016/04/27/nesin_7> (27.04.2016). В 1456 г. новгородцы за полдня 2 февраля проскакали до 50 км от города на южный берег Ильменя и до 25 — оттуда до Руси в утренние часы 3 числа. Войско Холмского от Демона к мосту Шелонской битвы в день также покрывало от 55 до 85 км. Соответственно за 2 почти полных дневных перехода Данияр мог проехать 160 км, равно как Челяднин — 140 км от Москвы.

¹⁶⁴ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою ордами и с Турцией. Том 1 (с 1474 по 1505 год, эпоха свержения монгольского ига в России) // Сборник императорского русского исторического общества, Том 41). — СПб., 1884. — № 1. — С. 8.

¹⁶⁵ Об этом см: Почекаев Р. Ю. Московское государства и постордынские ханства: новый взгляд на историю отношений? // Средневековые Тюркско-Татарские государства. — 2017. — № 9. — С. 228–229.

¹⁶⁶ Там же. — С. 229.

Рахимзянов Б. Р. Москва и татарский мир: сотрудничество и противостояние в эпоху перемен, XV–XVI вв. — СПб., 2016. — С. 192.

¹⁶⁷ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою ордами и с Турцией. Том 1 (с 1474 по 1505 год, эпоха свержения монгольского ига в России) // Сборник императорского русского исторического общества, Том 41). — СПб., 1884. — № 1. — С. 3–4.

¹⁶⁸ Там же. — № 2. — С. 10–12.

¹⁶⁹ Там же. — С. 12.

В. В. Вельяминов-Зернов полагал, что эта грамота была уже написана в Крыму, так как там упоминается Алексей Старков (Вельяминов-Зернов В. В. I. Исследование о касимовских царях и царевичах. 2-е изд. — СПб., 1863. — Т. I. — С. 84. Прим. № 39). Но это — шаблон, написанный как бы от имени Менгли-Гирея в Москве, который он

боярин «Алексей» должен был дать в Крыму хану, чтобы тот по нему составил договор с Иваном III.

¹⁷⁰ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою ордами и с Турцией. Том 1 (с 1474 по 1505 год, эпоха свержения монгольского ига в России) // Сборник императорского русского исторического общества, Том 41).— СПб., 1884.— № 5.— С. 18–21.

¹⁷¹ В. В. Вельяминов-Зернов почему-то, наоборот, уверен, что речь идет именно о Данияре и Муртозе (Вельяминов-Зернов В. В. I. Исследование о касимовских царях и царевичах. 2-е изд.— СПб., 1863.— Т. I.— С. 87. Такое же утверждение содержится в монографии А. Л. Хорошкевич (Хорошкевич А. Л. Русь и Крым. От союза к противостоянию.— М., 2001.— С. 143).

¹⁷² Вельяминов-Зернов В. В. I. Исследование о касимовских царях и царевичах. 2-е изд.— СПб., 1863.— Т. I.— С. 81.

¹⁷³ Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства, издание 3-е, дополненное. Воспроизведено по тексту 1-го издания (Казань. Комбинат изд-ва и печати. 1923).— М., 1991.— С. 27–28.

Сарафгалиев Ю. В. Эволюция статуса Касимовского ханства // Вестник Чувашского университета.— 2008.— № 4.— Сер. 03.— С. 121–122.

¹⁷⁴ Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства, издание 3-е, дополненное. Воспроизведено по тексту 1-го издания (Казань. Комбинат изд-ва и печати. 1923).— М., 1991.— С. 28. Менее последователен в этом отношении Ю. В. Сарафгалиев, считающий, что с падением Казанского ханства в 1552 г. Касимов никак не мог сохранять суверенитета. (Сарафгалиев Ю. В. Эволюция статуса Касимовского ханства // Вестник Чувашского университета.— 2008.— № 4.— Сер. 03.— С. 122). Вместе с тем, документы не обнаруживают никакой принципиальной разницы в условиях содержания касимовских правителей в промежуток между 1473 и в 1553 гг. О таких же противоречиях в работах Б. Рахимзянова писал А. Г. Бахтин (Бахтин А. Г. Образование Касимовского и Казанского ханств.— Йошкар-Ола, 2008.— С. 172).

¹⁷⁵ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XV и XVI вв.— М.; Л., 1950.— № 69–70.— С. 226, 228, 231, 234, 236, 238, 240, 244, 246, 249.

¹⁷⁶ Исхаков Д. М. К вопросу об этно-социальной структуре татарских ханств (на примере Казанского и Касимовского ханства).— Казань, 1995.

Рахимзянов Б.Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории.— Казань, 2009.

Сарафгалиев Ю.В. Эволюция статуса Касимовского ханства // Вестник Чувашского университета.— 2008.— № 4.— Сер. 03.

¹⁷⁷ Зимин А.А. Витязь на распутье.— М., 1992.— С. 286.

¹⁷⁸ Хорошкевич А.Л. Русь и Крым. От союза к противостоянию.— М., 2001.— С. 298.

¹⁷⁹ Моисеев М.В. Касимов, «Мещерские места» в русско-ногайских отношениях // Третьи Яхонтовские чтения.— Рязань, 2005.— С. 422–427.

Моисеев М.В. Взаимоотношение России и Ногайской Орды (1489–1563 годы).— М., 2007. Автореферат дис. канд. ист. наук.

¹⁸⁰ Беляков А.В. «Касимовское царство» раннего периода (XV — первая половина XVI вв.): проблема интерпретации источников // Восточная Европа в древности и средневековье.— М., 2005.— Т. XVII.— С. 172–175.

¹⁸¹ ПСРЛ.— М., 2000.— Т. 4.— Ч. 1.— С. 507.

¹⁸² Употребляемый в начале XVI в. применительно к Мещере термин «юрт» тоже не стоит понимать как синоним суверенного татарского ханства: как мною было недавно отмечено, тот же Д.М. Исхаков с привлечением в сносках наглядных примеров весьма убедительно показал, что «иногда в поздне-татарских ханствах» того времени термин «юрт» использовался «и для обозначения княжеств, входящих в состав ханств» (Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени (Этно-логический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.— Казань, 1998.— С. 194, 208; Несин М.А. Статус Касимовских Чингисидов при Иване III и Василии III по данным письменных источников // Золотоордынское обозрение.— 2017.— № 5.— С. 401). Положение Мещеры, находившейся на территории Московского княжества, вполне соответствовало этому определению.

¹⁸³ Барбаро и Контарини о России.— М., 1971.— С. 226.

¹⁸⁴ Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий (очерки социально-политической истории).— М., 1982.— С. 235.

Рахимзянов Б.Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории.— Казань, 2009.— С. 128–129.

¹⁸⁵ Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевицах. 2-е изд.— СПб., 1863.— Т. I.— С. 81–83.— Прим. № 38.

Правда, ученый почему-то с недоверием относится к факту перехода Муртозы на Московскую службу в 1471 г., хотя сам приводит свидетельства о том, что он в 1471 г. был отдан на службу к Андрею Меньшому (там же). В 1472 г., как было отмечено выше, он был на Оке с его отрядами, а не с московскими. Поэтому летописная дата его поступления на службу к Ивану III кажется вполне верной.

¹⁸⁶ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XV и XVI вв. — М.; Л., 1950. — № 74. — С. 276.

¹⁸⁷ ПСРЛ. — СПб., 1863. — Т. 6. — С. 207.

¹⁸⁸ Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). — М., 2000. — Т. 10. — С. 130–132.

¹⁸⁹ Алексеев Ю. Г. Под знаменами Москвы: борьба за единство Руси. — М., 1992. — С. 231.

Как отметил ученый, слова послов переданы в разрядной записи, во всем остальном аналогичной тексту походного дневника, отразившегося в великокняжеском летописании.

¹⁹⁰ ПСРЛ. — СПб., 1863. — Т. 6. — С. 209–210.

¹⁹¹ Псковские летописи. — М., 1955. — Вып. № 2. — С. 212.

¹⁹² Согласно псковскому хронисту, это было за 5 дней до 2 декабря — дня прибытия Псковичей на Ильмень-озеро. (Там же). Великокняжеский летописец на основе походного дневника прямо называет 27 число (ПСРЛ. — СПб., 1863. — Т. 6. — С. 211).

¹⁹³ М. И. Васильев даже утверждал, что «русско-татарское» войско, двигавшееся по правой стороне Мсты, прибыло к Новгороду позже других отрядов, уже в декабре (Васильев М. И. Маршруты походов великих князей на Новгород 12–15 веков (к вопросу о путях сообщения между Великим Новгородом и Низовскими Землями в эпоху Средневековья) // Новгород и Новгородская земля: история и археология — 2001 — Вып. № 15. [электронный ресурс] <<http://www.bibliotekar.ru/rusNovgorod/96.htm>>. Однако тот же образец 19 ноября наряду с другими войсками был в Палинах. Очевидно, с ним был и Данияр, который 5 дней спустя принял участие в захвате пригородных обителей и посадов.

¹⁹⁴ Псковские летописи. — М., 1955. — Вып. № 2. — С. 212.

¹⁹⁵ В летописях, вероятно из-за ошибки в великокняжеском походном дневнике, стоит 4 число, надо читать 1. Судя по характеру летописного

изложения (ПСРА.— СПб., 1863.— Т. 6.— С. 211), имелось в виду именно оно.

¹⁹⁶ В летописях и некоторых разрядных записях данная запись походного дневника приведена верно. Хотя в одном из поздних списков по ошибке вместо Торговой, или «Городищенской» стороны р. Волхов названо само Городище, которое также будто бы заняли касимовские татары. (Разрядная книга 1475–1605 гг.— М., 1977.— Т. I.— Ч. I.— С. 23). Следует также заметить, что в ней, как и в некоторых летописных памятниках, вместо «боровичей» (боровчан, боровских служилых людей, которые в то время служили московскому князю), по ошибке упоминаются некие Борисовичи. Не исключено, что эту запись составляли задним числом, переписывая летописные сообщения.

¹⁹⁷ ПСРА.— СПб., 1863.— Т. 6.— С. 211.

О приставах этих упоминал А.В. Беляков в связи с наличием института приставов в XV в.: Беляков А.В. Организационная структура служилых татар в Русском государстве конца XV — первой половины XVII в. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники.— 2015.— Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480–2015.— Ч. I.— С. 134. <http://www.milhist.info/2015/11/17/belyakov_1> (17.11.2015).

¹⁹⁸ По мнению А.В. Белякова, «функции приставов по настоящий момент остаются не до конца ясны, но логично предположить, что они осуществляли общий надзор, отвечали за координацию действий с великокняжеской ратью, а также являлись своеобразными посредниками в общении татар с русским населением». (Беляков А.В. Организационная структура служилых татар в Русском государстве конца XV — первой половины XVII в. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники.— 2015.— Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480–2015.— Ч. I.— С. 134. <http://www.milhist.info/2015/11/17/belyakov_1> (17.11.2015)>.

¹⁹⁹ ПРСА.— М.; Л., 1959.— Т. 26.— С. 250.

²⁰⁰ ПСРА.— М., 2000.— Т. 24.— С. 195–196.

Алексеев Ю.Г. Поход 1477 г. // Исследования по русской истории и культуре: сборник статей к 70-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова.— М, 2006.— С. 370.

²⁰¹ ПСРА.— СПб., 1913.— Т. 21.— 2 пол.— С. 546.

В. В. Вельяминов-Зернов приводит это известие, не анализируя его, и относит к Погодискому списку псковской летописи (Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. 2-е изд. — СПб., 1863. — Т. I. (с четырьмя таблицами). — С. 86). Но в указанном источнике его нет. (Псковские летописи. — М., 1955. — Вып. № 1. — С. 174–175).

202 О локализации места: Несин М. А. Из истории логистики русских войск в XV — начале XVI в. (Отзыв на работу В. В. Пенского «...И запас пасли на всю зиму до весны»: логистика в войнах Русского государства эпохи позднего Средневековья — раннего Нового времени») [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2016. — Т. VIII. — С. 138. <http://www.milhist.info/2016/04/27/nesin_7> (27.04.2016).

203 ПСРА. — СПб., 1863. — Т. 6. — С. 213.

204 Яровицы («Юровичи»), согласно новгородской писцовой книге конца XV в., наряду с несколькими окрестными деревнями в Поозерье во времена Новгородской независимости принадлежали боярыне Полинарыной.

205 В летописи сказано, что они стали на р. Веряжке у «Троицы в монастыре, да и на Клопске» (Там же). Однако на Веряжке стоял только один монастырь — Троицкий Клопский. Этот монастырь был освящен во имя Св. Троицы, но наиболее известен на Руси в связи с деятельностью тамошнего монаха Михаила Клопского. В этой связи под Клопском, вероятно, подразумевается волость на правом берегу Веряжки, в Завержье, входившая в состав владений монастыря.

206 О скорости их движения от погоста Дубровно до Оспино через Сольцы см.: Несин М. А. Из истории логистики русских войск в XV — начале XVI в. (Отзыв на работу В. В. Пенского «...И запас пасли на всю зиму до весны»: логистика в войнах Русского государства эпохи позднего Средневековья — раннего Нового времени») [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2016. — Т. VIII. — С. 138–139. <http://www.milhist.info/2016/04/27/nesin_7> (27.04.2016).

207 Псковские летописи. — М., 1955. — Вып. № 2. — С. 214.

208 Там же. — С. 213.

209 Там же.

210 ПСРА. — СПб., 1863. — Т. 6. — С. 215.

²¹¹ Там же.

²¹² Топографическая основа взята с электронного ресурса http://www.golddomes.ru/novg/kar_novgin.htm

²¹³ ПСРА. — СПб., 1863. — Т. 6. — С. 215.

²¹⁴ Псковские летописи. — М., 1955. — Вып. № 2. — С. 57, 213.

²¹⁵ ПСРА. — СПб., 1863. — Т. 6. — С. 215.

²¹⁶ Псковские летописи. — М., 1955. — Вып. № 2. — С. 214.

²¹⁷ ПСРА. — М., 2000. — Т. 24. — С. 192.

²¹⁸ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XV и XVI вв. — М.; Л., 1950. — № 76 А-Б. — С. 284, 287–288.

²¹⁹ Рахимзянов Б. Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. — Казань, 2009. — С. 49.

²²⁰ Несин М. А. Статус Касимовских Чингисидов при Иване III и Василии III по данным письменных источников // Золотоордынское обозрение. — 2017. — № 5. — С. 398.